

ЕЛЕНА ГВОЗДЕВА

ТРУДНО БЫТЬ НЕМЦЕМ

ЧАСТЬ 2 МАНФРЕД

иллюстрации автора

Елена Гвоздева
Трудно быть немцем.
Часть 2. Манфред

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69544345

SelfPub; 2023

Аннотация

1943 год, восстание против фашистских захватчиков в Павлограде – маленьком городке Восточной Украины. Подпольщики освободили свой родной город собственными силами. Восстание было организовано для спасения узников концлагерей и поддержки наступающей к Харькову Красной Армии. Трудно быть немцем, если ты рождён в России, вырос в Советском Союзе. Если твои этнические соплеменники явились уничтожить твою Родину, давшую тебе жизнь. Да, они говорят на одном с тобой языке, но они – твои враги. Где нашли в себе силы обычные люди – преподаватель и врач. Не спецагенты, не диверсанты, этнические немцы – родились в начале двадцатого века, в тогда ещё, Российской империи. За годы оккупации подпольщики спасли более пяти тысяч жителей Павлограда и советских военнопленных из концлагеря DULAG 111 от вывоза в Германию. Лишь после войны герои этой книги узнали о том, какую толику внёс каждый из них в нашу Великую Победу.

Содержание

Глава 11	6
Глава 12	17
Глава 13	33
Глава 14	56
Глава 15	69
Глава 16	87
Глава 17	113
Глава 18	123
Глава 19	139
Глава 20	183
Глава 21	201
Глава 22	205

Елена Гвоздева

Трудно быть немцем.

Часть 2. Манфред

"Я хотел бы, чтобы все знали:
не было безымянных героев.
Были люди, у каждого своё имя,
свой облик, свои чаяния и надежды.
И муки самого незаметного из них были не меньше,
чем муки того, чьё имя вписано в историю..."

Юлиус Фучик

1965

Артек

Летний ветерок легко покачивал белую занавеску. Из открытого окна доносились детские голоса – после тихого часа младшие отряды собирались на полдник.

Манфред Генрихович любил это время дня. Основные работы в рентген-кабинете закончены, снимки проявлены и описаны.

– Надя! Надя-а! – детский голос неожиданно звонко прозвучал под окном.

Надя ... ту медсестру тоже звали Надя.

Глава 11

Июль 1942

Госпиталь в окружении

Снова лето, второй год войны. Харьков пришлось оставить. Наступление фашистов было стремительным, линия фронта изогнулась и захлопнулась, как мешок, поглотив несколько тысяч. Шансов вырваться, практически не было.

Неужели плен? Нужно пытаться выбраться – найти какую-нибудь проселочную дорогу, не обозначенную на картах и выскочить.

Майор медслужбы, посоветовавшись со своим водителем, решил проскочить напрямик через степь. Санитарный грузовик уже побывал в перестрелках, тонул в весенней распутице и в осенней жиже. Доски бортов побиты пулями и осколками, Знак Красного креста для фашистов ничего не значил, летчики Люфтваффе без зазрения совести бомбили и расстреливали из пулеметов эшелоны с красными крестами,

торпедировали катера медслужбы.

Если бы не раненые, шансов уйти было бы больше, но Манфред считал, что кроме врачебного долга на нем ещё и командирский, он для них старший по званию.

– Все из машины, быстро! В заросли, – скомандовал врач, когда стало понятно – через степь не уйти, придётся пробираться через редколесье. Затаившись в зарослях попробовать отсидеться до темноты, оглядеться

Брошенный грузовик разлетелся в щепки – это немцы подбили из минометов.

– Значит всё правильно, – пробормотал водитель, – поехали бы напрямик, погибли, – в голосе пожилого мужчины не было паники, просто озвученная мысль, очевидная для всех.

– Тогда будем ждать темноты, даст Бог, они не станут прочесывать лес, – устало казал Манфред Генрихович, – посмотри, Наденька, хватит ли бинтов, пока что займемся перевязкой. Хорошо бы добраться до леса возле Изюма, насколько я помню, нужно двигаться в сторону реки Северского Донца, наши туда отступили.

Решили выбираться ночью, в конце мая ночи светлые, листья ещё мелкие и не закрывают лунный свет, да и немцы по ночам редко перемещаются. Нужно подремать до наступле-

ния сумерек.

Манфред Генрихович пластырем прикрепил вокруг ноги, завернутый в медицинскую клеенку, военный билет.

В полудреме приходится отдыхать с начала войны, полноценный сон – роскошь.

май 1942

Война застала Манфреда Генриховича в Ялте. Военкомат дал назначение в медсанроту 327-й дивизии.

Как же тяжело всё время отступать. Потери огромные, нет времени оказать полноценную помощь, перевязали наспех и снова – отходить.

На фронт Манфред Генрихович Эсси-Эзинг отправился, уже имея опыт работы в больнице. В жарком климате Средней Азии пришлось работать не в лучших условиях, возможно, благодаря полученному там опыту, легче было организовать работу вверенной ему сан роты в жаркие майские дни обороны Харькова.

Фашисты сжимали кольцо, рвались захватить крупный

промышленный город, не дать отступающим взорвать ценное оборудование.

Сил не было ни у солдат, ни у медперсонала. Невозможность вывезти раненых приводила в глухое отчаяние. Хоть бы сутки передышки! Хоть бы пару-тройку полуторок найти, бинтов почти не осталось. Врачи и медсестры падают с ног, смотрят на него с тревогой и надеждой. За этот год войны майор медицинской служб Эсси-Эзинг столько раз вытаскивал их из таких передраг, что они считают его всемогущим.

– Надо пытаться вырваться. Все, кто может идти, грузите остальных в кузов.

В степи фашистов увидели издалека, прикрываясь зарослями на обочине. Далеко проехать не удалось, по отработанной схеме фрицы выслали вперед мотоциклистов. Нужно подпустить их поближе и метнуть гранату, чтобы наверняка – осталось всего пару штук. Раненый лейтенант предложить дотянуть до ближайшего поворота и укрыться в лесополосе. Местные называли их "посадка" – неширокая полоса деревьев, разделяющая поля. Из-за мелкого оврага дорога делала поворот, это был шанс.

Первого мотоциклиста уложил из винтовки солдатик с забинтованной ногой, даже не стал прятаться за бортом полуторки. Мотоцикл слетел в кювет, придавив второго фашиста. Вылетевший из-за поворота второй мотоцикл разорвало

гранатой.

– Так! Живём братцы! Дотянем до ближайшей деревни, – воспрянули духом окруженцы.

Манфред

Манфред с детства привык заботиться об остальных, как все старшие дети из больших семей. Семья его отца Генриха, была не просто большой, огромной: две дочери и двенадцать мальчиков, Манфред родился в 1902 году. Как один из старших детей, в 1920 году ушёл учеником на металлургический завод в Екатеринославе (с 1926 года – Днепропетровск). Без помощи старших детей семья бы не выжила.

Из светлых воспоминаний дореволюционного детства остался запах моря в Лиенае, где Манфред гостил у деда Христофора, старого рыбака. Там, на окраине империи, жили многие обрусевшие немцы, рядом с латышами и русскими. Дед Христофор Эрнестович брал мальчика на рыбалку,

занятие диковинное для родившего в Донецких степях внука, рассказывал об удивительных изобретениях немецких механиков, о легендах Балтики, о предках. Род Эсси-Эзингов брал своё начало в городе Лиепая (тогда Либава). Семья происходила из крестьян Кальвенской волости Курляндской губернии. Расположенной в западной части Латвии, в регионе под названием Курземе, более известном, как Курляндия.

Мечта Манфреда стать инженером была нереальной, денег на образование у семьи не было. Из-за бедности пришлось согласиться на предложение отправиться на заработки в шахты Юзовки (с 1924 года город Сталин, теперь – Донецк).

Манфред родился уже после переезда в маленьком шахтерском городке Енакиево, наверное, теплый климат Украины, так не похожий на стылую Балтику и помог ему полюбить эту землю. Тяжелую жизнь рабочих Русско-бельгийского общества "Молох" в Енакиево описал Александр Куприн ещё в конце 19 века.

К середине 20-х годов началось активное восстановление металлургических заводов, разрушенных в Гражданскую.

Так появилась цель – работать и учиться на рабфаке. Приступ аппендицита у парня едва не разрушил эти планы. Искусство врачей, спасавших людей от смерти, изменило представление юного Манфреда о своём предназначении, именно мама поддержала его намерение учиться медицине, несмотря на трудности. Если бы она могла предположить, что это

поворотное решение в судьбе её сына спасет жизни нескольких тысяч советских людей...

Передышка в редколесье закончилась, пришлось воспоминание отложить до лучших времен. С наступлением сумерек двинулись в сторону Изюма.

"Интересно, – думал Манфред Генрихович, – получит ли жена письмо, отправленное пару дней назад? Как она, увижу ли я Елену когда-нибудь. Её госпиталь в тылу, всё будет хорошо... вот только понятия "фронт" и "тыл" слишком быстро меняются".

Скорость продвижения отряда не давала шансов добраться к линии нашей обороны. Это стало очевидно через несколько дней, когда позади остались несколько сёл. Сельские жители, конечно, помогали, чем могли, женщины организовывали кипятки, бинты. Вместо отдыха Манфреду пришлось вместе с измученной Надей делать перевязки, чистить загноившиеся на жаре раны, даже делать операции. У сельских жителей обнаружилось несколько раненых бойцов, спрятанных до прихода наших, ведь все надеялись, что на-

ступление Красной Армии будет успешным.

Однако, судя по наступившему в окрестностях затишью, фронт сместился далеко. Основные силы немцев ушли на восток, тыловые службы фашистов ещё не появились. Жители села помогали врачу и Наде в организации походного госпиталя в пустом амбаре, делились продуктами, одеялами, холстами на бинты. Даже самогон шёл в дело, как дезинфицирующее и анестезирующее средство для операций. Тяжелораненых жители после операции увозили к себе и прятали.

Никто не спрашивал майора, когда он спал последний раз. Привозили нового пациента, и врач становился к старому дубовому столу, отскобленному сельскими женщинами для операций. Очень помогали деревенские травницы, ведь в селах издавна лечились отварами и настояками – аптеки в городах, далеко и дорого, а украинская степь богата разнотравьем.

Военную форму, с помощью жителей, заменили простой крестьянской одеждой, ведь фашисты могли появиться в любой момент.

И они появились. Манфред Генрихович представился переводчику, объяснил, что он гражданский человек, врач районной больницы, не успел эвакуироваться, а Надя его помощница.

Выручил местный старик, воевавший с немцами ещё в первую мировую. Он прекрасно помнил, как они шарахались от слова " typhus", вот и решил этим воспользоваться. По-

ка тыловой дорожный патруль задавал доктору вопросы через переводчика (это позволяло тянуть время), старик, беливший свою печь, прокрался и написал белой известью на амбарных воротах большими буквами "ТИФ".

Офицер с переводчиком и охраной направились к амбару и, обогнув ветхое строение, шарахнулись назад. Короткое слово переводчик увидел сразу, обер кинулся в свою машину, на ходу приказав унтеру:

– Завтра же прислать сюда команду по зачистке и ликвидации очага инфекции.

Манфред похолодел, он прекрасно понимал немецкую речь. Патруль покинул деревню, а врач собрал местную молодежь и проникновенно сказал, что если за ночь раненых не разобрать по домам, завтра всех уничтожат. Подростки и девушки убеждали жителей, уговаривали: "Ведь наши на фронте, а если им никто не поможет?" Общими усилиями раненых развезли по домам на телегах, на тачках, даже на носилках. В селах семьи большие, было решено выдать бойцов за родственников и женихов, комиссованных с фронта, часть раненых спрятали на чердаках и сеновалах.

Чтобы фашисты не начали искать заражённых, решили сжечь амбар. Благо тот стоял на приличном расстоянии от домов, а ветра не было. Пришлось умерших от ран оставить внутри, чтобы сказать отряду зачистки, что это мест-

ные, опасаясь заразы, ночью подожгли. К рассвету все валились с ног, и хоронить умерших не было ни сил, ни времени. Армейские книжки и медальоны женщины спрятали.

Не должны защитники страны пропасть без вести.

Когда немецкая команда для ликвидации очага заразы приехала, амбар уже догорал. Манфред Генрихович, в грязной закопченной одежде объяснил офицеру, что жители давно грозились поджечь, боялись распространения тифа. Как и ожидал врач, немецкая скрупулёзность проявилась сполна: приказав солдатам осмотреть пожарище, офицер убедился, что несколько человек погибли в огне. Узнать, сколько больных было в амбаре накануне, вчерашний патруль побоялся.

Именно на это и был расчёт.

Фашист что-то процедил о дикости русских варваров, словно не собирался со своей командой сделать то же самое.

– Вы можете быть уверены, что среди крестьян нет больных тифом? – взгляд офицера уперся в лицо Манфреда.

– За последнюю неделю новых случаев не было, но всё в руках Божьих.

Несколько человек, которых не смогли пристроить по домам сидели под деревьями. Врач надеялся, что группа зачистки уедет, не захочет рисковать, и они смогут двинуться в сторону фронта, но вышло иначе. Фашисты приказали всем

построиться и погнали по дороге. Вскоре вышли к селу Камышеваха, туда уже согнали несколько десятков пленных.

Глава 12

июль 1942

Прибытие в DULAG 111

– Вы поступаете в распоряжение военного ортс-коменданта Павлограда и будете направлены в сортировочный пере-сылный лагерь.

Шли сюда очень долго. Раскаленное июньское солнце ли-шало последних сил. Фашистский конвой добивал упавших. По пути присоединились колонны пленных из лагерей в Зна-меновке и Лозовой. Стало ясно, что их гонят вглубь захва-ченных территорий – навстречу двигались немецкие грузо-вики, бензовозы и самоходки.

В Варваровке женщина попыталась бросить в толпу ране-ных кусочки хлеба, немцы травили собаками всех, кто пы-тался приблизиться к колонне измученных людей.

Вскоре вдоль дороги протянулась железнодорожная вет-

ка, которая вела за огороженную территорию бывшего "Завода стального и чугунного литья". Полуразрушенный завод фашисты решили использовать в качестве лагеря ещё в прошлом году в ноябре. Длинные здания цехов опустели после вывоза оборудования, частично обвалились после обстрелов артиллерии. Вышки и ограждение фашисты установили силами самих узников.

Пленные смотрели на ряды колючей проволоки с тоской и отчаянием, если по пути ещё был шанс сбежать, то отсюда вырваться было невозможно. Измученных людей построили перед бараками.

Пауль Вебер любил рассматривать вновь прибывших лично. Для него эти люди олицетворяли покоренную страну, служили наглядным подтверждением непобедимости Великой Германии.

– Скоро вся ваша армия будет выглядеть так же! – высокомерно заявил он.

Переводчик повторил по-русски. Строй всколыхнулся. Проходя вдоль грязных, изможденных людей, Вебер рассматривал их с безразличной миной. Вдруг в холодных глазах его блеснул интерес – он увидел среди пленных девушку с почти пустой санитарной сумкой через плечо. Отработанным движением он приподнял подбородок Нади рукояткой плетки, кивнул охране, чтобы девушку вывели из строя. На-

дя растерянно оглянулась на Манфреда. Врач не хотел показывать фашистам, что знает немецкий, но не вступитья было невозможно.

– Кто ты? Как твоё звание? – повернулся к ней переводчик.

Манфред Генрихович шагнул вперед и на чистом немецком сказал:

– Это моя жена, герр комендант!

Вебер удивленно развернулся к человеку с такой же санитарной сумкой.

– Ком, – рукоятка плетки сделала приглашающий жест в сторону барачков.

Кабинет Вебера резко контрастировал с окружающим убожеством, чисто покрашенные стены и пол. Портрет фюрера исподлобья смотрел со стены. Между окон располагалась конторка с радиоприемником. Звуки немецких маршей бодро разносились из динамика. Даже цветы в горшках стояли на подоконнике, пожалуй, это удивляло больше всего. Ценитель комфорта кивнул доктору, но сесть не предложил. Судя по всему, кивок должен был означать "я слушаю".

Манфред Генрихович вздохнул, не получилось сохранить в тайне своё происхождение, но может это к лучшему. Рано или поздно это выяснилось бы, и тогда пришлось бы объяснять "братьям по крови" почему скрыл.

– Итак, эта славянка ваша жена? – нарушил Вебер молчание, – разве вам не известна наша расовая теория? Славяне – неполноценное стадо и подлежат истреблению ровно до таких размеров популяции, чтобы обслуживать высшую расу.

– Согласен, герр комендант. Именно об этом я и хочу сказать: обслуживать заводы и шахты в Германии стало некому, мужчины рейха на фронте. Может не стоит так расточительно истреблять здоровых и сильных пленных. Их можно использовать на благо Великой Германии.

Манфред Эсси-Эзинг знал их газет, что кампания по набору остарбайтеров (Ostarbeiter – «работник с Востока») была запущена на территориях, захваченных Германией, в январе 1942 года, полгода назад. Ответственным за её проведение был комиссар по рабочей силе Фриц Заукель (нем. Fritz Sauckel).

– Однако, – прищурился Вебер, – вы рассуждаете, как настоящий немец, некоторое рациональное зерно в этом есть. Акцент у вас необычный.

– Я из прибалтийских немцев, мои предки переселились в Латвию в позапрошлом веке.

– Н-да, и как истинный немец, вы ловко ушли от вопроса о вашей жене.

– Простите, герр комендант. Моя жена, скорее моя ассистентка и моя правая рука во время операций и, особенно в период послеоперационного ухода за пациентами.

– Здесь нет пациентов! Всех доходяг – в яму!

– Простите, герр комендант. Рациональнее лечить, чем расстреливать, тем более, что теперь у вас есть бесплатные медработники. Наверняка среди пленных обнаружатся сотрудники госпиталей. Ваша победоносная армия наступала столь стремительно, что многие госпитали не успели перевезти в тыл.

– Вебер слушал, не перебивая, откинувшись вальяжно в глубоком кресле. Этот бойкий врач забавлял его, хотя и выглядел измученным.

– Я подумаю, – небрежным взмахом отослал врача.

На ночь пленных загнали в барак. Кое-как разместившись, люди уснули вповалку. Манфред успокоил Надю. Несмотря на темноту и усталость, вокруг врача образовалась некая "зона отчуждения" – пленные держали дистанцию, насколько позволяла скученность.

"Это плата за мой немецкий", – печально вздохнул Эсси-Эзинг и обнял Надю, ночью от земляного пола тянуло сыростью.

Утром, до построения, несмотря на возникшее отчуждение, пленные просили Надю сделать несколько перевязок, в ход пошли остатки нижних рубаш, бинтов в сумке давно не было, как и йода. Надя утирала злые слезы.

Старожилы лагеря предупредили вновь прибывших, что любимая забава коменданта – "выравнивать строй" – убивать замешкавшихся на построении и последними заступивших за линию плаца во время поверки.

Несмотря на вчерашние доводы врача о полезности пленных, садист Вебер не собирался отказывать себе в удовольствии безнаказанно убивать безоружных людей. Особенно чудовищно это выглядело под музыку Вагнера, звучащую из громкоговорителей на столбах. Надя беззвучно плакала, слезы проложили на запыленном лице светлые дорожки, воз-

возможности умыться не было.

июль 1942

Харьков

Попытка наших войск вернуть Харьков закончилась провалом. Все надежды жителей Павлограда на скорое освобождение были растоптаны. Уже слышная в окрестностях Лозовой, канонада постепенно затихла. В город прибывали новые партии измученных, угнетенных поражением наших пленных.

Разгром 6-й армии был ужасающим.

Местные жители, особенно женщины не скрывали слёз и старались хоть украдкой перебросить через конвой пленным кусочки хлеба, картофелины. Особенно отчаянные девчонки и подростки пытались напоить изнывающих на жаре людей во время редких привалов.

Внезапно одна из женщин с отчаянным криком бросилась к худому заросшему мужчине. Конвоиры попытались отта-

щить её.

– Это муж мой! – закричала несчастная, вцепившись в мужчину с таким отчаянием в глазах, что фашист даже замешкался.

И тут случилось неожиданное, то ли это была снисходительность уверенных в своей непобедимости нацистов, то ли этот конвоир вспомнил лицо своей жены в далекой Германии. Немец вдруг кивнул в сторону обочины женщине, пытавшейся заслонить своим худым телом мужа, и буркнул:

– Ком на хауз (уводи домой).

Растерявшаяся жена застыла, ещё не веря услышанному и глядя на немца с беспомощной улыбкой.

– Клаус? Ты чего? – вскинул брови здоровенный баварец.

– Ничего, – угрюмо ответил Клаус сам не ожидавший от себя подобного милосердия, но не признаваться же, что эта славянка – копия его Гретхен. – Одним доходягой меньше, всё равно не дойдёт, патроны только тратить на эту падаль.

Дед

DULAG 111 круглосуточно принимал, сортировал и отправлял дальше попавших в плен. Одни попадали в шталаг – штрафной лагерь для особо непримиримых и пытавшихся бежать. Других отправляли в Германию – восполнить острую нехватку рабочей силы в рейхе. Предотвратить отправку было невозможно, поэтому подпольщики, работавшие на железной дороге, придумали ещё один способ спасения уже отправленных в Германию узников.

Из обломков автомобильных рессор от немецких тяжеловозов, найденных в кюветах и на обочинах шустрými подростками, в цеху депо заготавливали прочные резаки по дереву. Их придумали прятать прямо в товарных вагонах, предназначенных для вывоза людей, как скота.

Каждый вагон перед погрузкой рабсилы полицаи осматривали, но та часть стены, что примыкала к откатной двери вагона, оказывалась в открытом состоянии частично прикрытой полотнищем двери. При осмотре вагона полицаями дверь оставалась открытой. А после заполнения вагона людьми, охрана задвигала дверь вагона полностью, защелкивала замки и становились видны прикрепленные к стене ва-

гона бумажные сверточки записок с завернутыми в них резками.

Записки содержали инструкцию, как с помощью резка вскрыть доски пола и высадиться на ходу между рельсами, когда поезд замедляет движение. Железнодорожники тайком заменяли полноценные гвозди укороченными, чтобы ослабленные узники могли их вытащить.

Высаживаться в записке советовали группами по два-три человека, так легче пробираться незамеченными по оккупированной территории. Указывались места со спрятанной одеждой и документами. Именно в таком вагоне мой дед Александр Яковлевич обнаружил заточенный из рессоры резак. Он попал в плен при очередной попытке Красной Армии освободить Харьков. Тогда в "Харьковском котле" оказалось в окружении много наших людей. Дед был краснодеревщиком и смог грамотно подрезать нужные волокна дерева в досках пола. Стук колёс заглушал удары резака.

Незаметно высадиться удалось уже за пределами Польши. Его напарник, судя по всему, имевший представление о диверсионной подготовке, посоветовал идти не в сторону фронта, а на запад от железнодорожного полотна – там не станут искать отряды жандармов. К сожалению, при высадке на ходу напарник получил травмы. Дед донёс его до ближайшего лесочка, но в лагерной одежде далеко не уйти. Утром на лесной дорожке показалась пожилая пара с тележкой. Александр Яковлевич решился к ним выйти из кустов. Полосатая

одежда без слов объясняла старикам, кто перед ними.

Выяснилось, это уже территория Чехии. Славянские языки похожи, смогли понять друг друга. Пожилые супруги оказались сельскими учителями, они отдали беглецам прихваченный с собой хлеб и пообещали перевезти к себе, как стемнеет. Перевязав напарника полотном, в которое был завернут хлеб, дед решил дожидаться помощи. Конечно, было тревожно: придут ли? А вдруг приведут полицию? Но бросить искалеченного напарника не мог.

К счастью, учителя поступили, как порядочные люди. Переодели деда в старенькую одежду, жестами и словами пояснили: "Ты – наш батрак, глухонемой". Забросали товарища деда сеном, и втроём покатали в тележке к себе домой. Позвали соседа – сельского врача на пенсии, пару недель старенький врач делал перевязки, поил отварами, делал компрессы из настоек. Лекарств в деревне почти не было. За это время дед набрался сил и, под видом батрака, отремонтировал старикам всё, что мог. Хотелось, хоть как-то отблагодарить этих прекрасных людей. Александр Яковлевич был прекрасным мастером, тонко чувствовал дерево, до войны трудился в Одессе на отделке корабельных кают. Дольше задерживаться не было возможности, старики объяснили, как смогли, что раненого товарища будут выхаживать, а прокормить двоих не в состоянии.

Вооружившись картой из какого-то учебника, найденного у хозяина, дед решил пробираться на родину. В тылу, на

территории оккупированной Европы фашисты чувствовали себя в полной безопасности, блокпостов и патрулей было мало. Дед шёл ночами, летом светлеет рано, деревни старался обходить.

Несколько раз подрабатывал на мелких фермерских усадьбах, изображая немого столяра. Рубанок, подаренный старым учителем на прощание, без слов помогал объяснить. Достаточно было сделать несколько жестов руками, изображая движение рубанка по доске, а затем указать пальцем на раскрытый рот и сразу было понятно: человек готов работать за еду.

Так за несколько недель добрался до родного села на Полтавщине, откуда ещё молодым уехал на заработки. Сосед, сотрудничавший с партизанами, узнал его и отвёл в отряд.

Мой отец вспоминал, что его трёхлетнего, со старшими сестрами мать отводила ночью на соседский огород, примыкавший к опушке леса. Там, в картофельной яме их обнимал бородатый человек, пропахший костром. Позже, когда наша армия освободила село, партизанский отряд ушёл вместе с действующей армией. Дед ещё до войны прошёл подготовку в пулеметном расчете. Александр Яковлевич Киба погиб при освобождении Тернополя в апреле 1944 года. Ему было сорок лет.

В Киеве оккупационные власти, с помощью местных националистов, приступили к изданию "Новое украинское слово" – образчик министерства пропаганды рейха. Опубликованная статья "доктора" Геббельса под названием "Голос крови" взывала к чувствам фольксдойче, призывала осознать себя представителями высшей расы и стать опорой арийской родины.

Пётр не удержался от иронии, когда прочёл Кларе, принесенную сестрой газетенку:

– Ты фрау Таблер, как представитель высшей расы, призвана "сердцем и разумом ощущать своё исключительное предназначение на этой Земле". Изучи эту речь – это отличное объяснение твоей мотивации на службе у собратьев по крови. При случае процитируешь.

– Да, уж, придётся запоминать этот бред. Вот бланки, дополнительно напечатанные машинисткой Людой. Она, как ты и сказал, спрятала их в приёмной за портретом фюрера, а я тихо забрала, когда она ушла домой.

Основную ставку Клара делала на стереотипы традиционного немецкого воспитания. Представить себе добропорядочную немецкую мать, рискующую своими детьми – невысказано для немецкого менталитета.

Главное – не выйти из образа. Она мать и только мать, готовая на всё, чтобы обеспечить своих крошек самым необходимым.

Особенно тяжело было ночами.

Как известно, если человека терзают страхи и сомнения, то ночами с ними справиться удастся не всякому.

Бабушка Клары говорила ей в детстве, что это "бесы страха" :

– Им не дано изменить судьбу человека против воли Божьей, но замучить и свести с ума могут.

Совет бабушка давала такой:

– Осени себя крестным знаменем и скажи "Господи защити меня". А потом возьми и стряхни ладошкой с плеч, словно мусор, со словами "Изыдите!".

Маленькая Клара слушала с сомнением – ерунда какая. Только сейчас она поняла – в детстве человек редко испытывает настоящий страх, долгий, изматывающий. Детские страхи быстрые, сиюминутные. Только что ребенок испугался, замерло сердечко, а через десять минут весело смеётся.

Всё-таки разговор с Эсси-Эзингом дал свои результаты, хоть и не сразу. Вебер решил использовать предложение врача, как способ выслужиться, распорядился выделить под ревер (санчасть) лагеря небольшое помещение бывшего склада заводской столовой.

Теперь у Эсси-Эзинга и Нади была своя крыша над головой и доступ к воде. Это можно было считать маленькой победой. Им даже выдали несколько тощих одеял.

Пауль Вебер представил Гебитскомиссару Павлограда рапорт о "своем" предложении, как лучше использовать пленных на благо рейха. Отправка местной молодежи на работы в Германию уже шла полным ходом. Вебер предложил добавить к ним наиболее здоровых и крепких из своего лагеря.

Гебитскомиссар Циммерман счёл предложение Вебера продуктивным, всё же численность отправляемых остарбайтеров оставляла желать лучшего, и разрешил организовать лечение, многие попадали в плен после ран и контузии.

Манфред Генрихович считал это удачей, теперь не жалел, что объявил себя немцем. Несмотря на презрение в глазах узников, статус "своего у немцев" стал приносить результаты. Ему и Наде выдали халаты, йод и ветхие комплекты простыней. Наденька ловко рвала их на ленты и кипятила, благо уцелела старенькая дровяная плита заводской кухни. К ней пленные по-прежнему относились с благодарностью и симпатией, помогли собирать по заводу остатки досок на растопку и угольную крошку из бывших плавильных цехов. Возможность сделать перевязку и провести дезинфекцию спасала жизни в жарком летнем зное.

Глава 13

Гестапо

Начальник Павлоградского гестапо Экке ревниво относился к успехам партайгеноссе. Услышав похвалу от Гебитскомиссара в адрес Вебера, скептически спросил:

– Откуда такая забота о благе рейха у этого докторишки? Просто спасает свою шкуру. При нём были документы?

– Нет, но пленные, прибывшие с ним, уверяют на допросах, что медсестра ещё под Харьковом называла его Манфред Генрихович, кроме того они успешно лечат узников, чувствуется практика.

– И это все? Подошлите к нему на "лечение" несколько ваших провокаторов, пусть нежно прощупают его на предмет побега, скажут ему, что есть надежные люди по ту сторону колючей проволоки, вот только сомневаются, стоит ли доверять немцу... Мне что, вас учить, как делается проверка?

Вебер терпеть не мог, когда ему указывали на просчеты, а особенно, учили, как их исправить. Но ссориться с Экке – себе дороже, поэтому Пауль кивал, потягивая коньяк, благодарно улыбался, маскируя досаду. Вернувшись вечером в лагерь, выместил всё накопившееся раздражение на беззащитных заключенных. В этот раз "подровнял" строй с особой жестокостью – убил троих.

Посылать к врачу провокаторов не стал, не видел смысла. Даже, если Эсси-Эзинг врёт, без его помощи лагерь не сможет обеспечить нужное количество рабочей силы для Германии, но чувство зависимости от лагерного эскулапа всё же претило.

И вот теперь, когда доктору Эсси-Эзингу стало казаться, что он смог войти к коменданту лагеря в доверие, ночью его грубо выволокли и, сбитого с толку, ничего не понимающего, втолкнули в кабинет Вебера. Несколько часов длился допрос. Военный билет, приклеенный к ноге, а позже перепрятанный в ревире, так и не обнаружили. Жена на прощание подарила ему целлулоидный конвертик из-под какого-то лекарства. Манфред так и носил его в гимнастерке вместе с фотографией Елены. Целлулоид отлично защищал документ от дождя и пота, плотно крепился к пластырю.

Вебер с упорством дятла повторял одни и те же вопросы:

– Имя? Звание? Настоящее имя?! Принадлежность к пар-

тии? Где работал до войны? Где семья?

Манфред ни разу не сбился и не замешкался с ответом. Вебер ещё несколько раз устраивал внезапные ночные допросы, но в итоге оставил врача в покое. Считая себя выдающимся физиономистом и психологом, комендант лагеря был уверен в собственной проницательности. Несколько раз, допросив Надю и других пленных, прибывших с ними, фашист успокоился. В сложившейся ситуации ему было выгодно использовать врачебные навыки Эсси-Эзинга.

Манфред ежедневно ожидал проверки. Особенно тревожился, как оградить барак с надписью «Flecktyphus» (сыпной тиф). Гарнизонные медики обязаны были периодически осматривать все три концлагеря города. Определенного графика проверки не имели – расчет был на внезапность. Задача – определить насколько больные в бараках обоснованно получают помощь, не симуляция ли это для задержки практически здоровых заключенных от вывоза на заводы Германии.

На следующее утро всех, отобранных Лёхлером, снова отправили ремонтировать дорогу. У многих вместо обуви были тряпки, куски голенищ, обвязанные веревками.

"Что я буду с ними делать, когда ударят настоящие холода, люди раздеты, – сокрушался Эсси-Эзинг, – на многих только гимнастерки, в которых они попали в плен ещё летом, как и он сам. Надя смогла из выданных обер-арцту старых одеял смастерить что-то вроде длинных безрукавок себе, Манфреду и Василию. В них приходилось и спать.

Для сопровождения доктора на консультации в городскую больницу чаще всего ему назначали в конвой пожилого немца из Финляндии. Из разговора по пути "финн" узнал, что дед Манфреда всю жизнь рыбачил на Балтике, и проникся симпатией, поскольку тоже был из семьи рыбака. Манфред напомнил ему русскую поговорку: "Рыбак рыбака видит издалека".

– Да-да, – закивал конвоир, – у нас её знают. Ещё живы те, кто помнит Финляндию частью Российской Империи.

– Да, – вздохнул Манфред, – как и Латвию.

Через этого конвоира было решено попытаться раздобыть хотя бы старые ватники или те же одеяла. Плохо, что не было связи с местными жителями, может через них бы удалось собрать теплые вещи. Манфред по-прежнему отдавал Веберу

всё мало-мальски ценное из найденного у пополняющих лагерь пленных, а часы и вещи попроще он потихоньку предложил конвою из Финляндии. Тот обещал выменять у кладовщика интенданта и сдержал слово, наматывал вокруг туловища и приносил несколько раз большие куски старых одеял. В ход пошли даже куски немецких шинелей из фашистского госпиталя, их подшивали под гимнастерки, чтобы не бросалось в глаза охране.

Немецкий фтизиатр, высокий сухопарый старик проник к Манфреду симпатией. В один из визитов к нему на консультацию, передал Манфреду своё старое тёмное пальто и тёплый шарф. Нина укоротила длинное пальто до колен и смогла собрать себе тёплую юбку. В те времена редкая девушка не умела шить, а тем более операционная медсестра. Даже маленькие обрезки шли на заплаты.

Внезапные проверки гарнизонных медиков держали врача в постоянном напряжении. В любой момент опытный проверяющий мог заметить, что наложенный шов сделан поверх неглубокого разреза и только имитирует рану. Дотошные немцы заставляли снимать бинты в хирургическом бараке или делать перевязки в их присутствии. Нина заметила, что инфекционный барак они стараются обходить стороной, как и лагерный фельдшер Мольтке, предпочитавший не соваться к инфицированным. Там удобно было прятать командиров Красной Армии и, как ни странно, провокаторов

и потенциальных доносчиков.

Травница

Находчивая Нина придумала, чем заменить лекарства. Вскоре, после разделения на хирургический и инфекционный бараки, эта идея очень пригодилась. После прибытия в лагерь она сквозь колючую проволоку заметила на пустыре, примыкавшем к железнодорожной ветке лагеря, несколько девочек-подростков. Глядя на разнотравье пустыря, Надя не раз думала, как же было бы кстати собрать и засушить ромашку, зверобой, чистотел. Кричать девчонкам было опасно: могут не услышать или побоятся, а лагерная охрана среагирует на крик.

Нина написала записку, благо бумагу выдавали для учета больных, старательно завернула в записку обломок кирпича, размером с брусок мыла и обвязала сверху пёстрой полоской ситца, оставшейся от перевязок в сельском амбаре. В пред-рассветных сумерках Надя вышла с ведром за водой и незаметно перебросила сверточек через проволоку, стараясь попасть поближе к тому месту, где видела девочек.

Расчет на то, что пестрый ситец привлечет внимание девочек, а охране не виден из-за кустов, оправдался. Развернув записку, дети прочли:

"Девочки, женщины – все, кто думает о своих родных, ушедших на фронт, помогите раненым!

Лекарств нет! Пожалуйста, соберите лекарственные травы, какие найдёте: подорожник, солодку, ромашку, полынь... любые. На рассвете я выхожу к колодцу между вышками за водой. Постарайтесь перебросить связки травы поближе к кустам у колодца. Спасибо! Это поможет спасти чью-то жизнь!"

И Надин призыв нашёл отклик в душах. Снопки травы перелетали ночью бесшумно, а на рассвете Надя незаметно складывали их в свой фартук. Очень часто, разбирая с Василием такой снопик, находили картофелину или сухарь. Иногда внутри травяного букетика обнаруживался кусочек белого полотна. Наверное, старшие подсказали подросткам, что перевязочные материалы тоже пригодятся.

Одной из этих медсестер-подпольщиц была Серафима Ватолина.

Серафима Ватолина, она единственная из девушек-подпольщиц успела побывать на фронте в качестве военного фельдшера. В первые дни войны пришла в военкомат и сказала, что как выпускница медучилища нужна на фронте.

Многие наши солдаты обязаны были ей жизнью, но уберечь себя Серафима не смогла, при отступлении наших была серьёзно ранена. Её нашли и долго выхаживали сердобольные женщины, жившие у старого гусарского кладбища. Медсестра Галина Федосеенко помогала лечить Симу и девушки сблизилась.

Серафима с девушками организовала группу медицинской помощи спасенным из лагеря узникам, которых жители Павлограда прятали у себя, девчата учились промывать раны, делать перевязки, собирали и сушили лекарственные травы, часть заготовок передавали в лагерный режир.

Девушки рассказали Серафиме, что медсестричка из медчасти эвакуированного снаряжательного завода придумала делать "молочные уколы".

– А... зачем? – озадаченно спросила Сима.

– Ой, ну как же! Чтобы в Германию не угоняли. На видном месте делают шприцом несколько подкожных шариков из молока. Место краснеет и выглядит как нарывчик!

– Ага-ага! На шее вообще жутковато смотрится, особенно если шерстяным шарфом натереть.

– Так ведь, если воспаляется, могут шрамики остаться, как после оспы, – задумчиво рассудила Серафима.

– Ой, ну хлопцам всё равно. Лишь бы не забрали на ка-
торгу немецкую, – бодро возразила Галя.

– А девушкам?

– Так девчатам в запястье колет или в наружную поверх-
ность кисти рук. И шарики молока поменьше выдавливает.
Похоже на водянистую сыпь, а потом немного краснеет. Ле-
кари немецкие даже раздеваться не требуют, брезгливо вы-
проваживают, – Галка брезгливо скривила губы и продемон-
стрировала отсылающий жест.

Девчонки захохотали.

Инфекционный барак «Flecktyphus» Манфред Генрихо-
вич не случайно организовал в цеху, примыкавшем к его
каморке. Вход в подвал перекрыла частично обвалившаяся
стена, а лезть через вентиляционные щели цоколя охранни-
ки не стали. Кроме битого кирпича при осмотре через щели

они не увидели в луче фонариков ничего достойного внимания. Врач не поленился осмотреть подвал, его худощавое телосложение позволяло легко проникнуть туда. Под кирпичной крошкой и пылью обнаружился некоторый запас угля, за много лет плотно утрамбовавшийся в подвале, возможно, раньше здесь был склад плавильного корпуса. Впереди была зима, да и для перевязок постоянно нужно кипятить инструменты и "бинты", а кипяток шёл на отвары из трав.

О своей находке врач сказал только Нине и Василию, а сам решил сделать в этом цеху инфекционный барак, чтобы не совались. Это было отличным подспорьем. Из-за нехватки посуды и отсутствия спирта заготовить отвары впрок было невозможно, травы пришлось сушить на старых балках под крышей барака. Жаркое лето было в помощь.

Как то вечером, когда можно было, наконец, присесть и перевести дух, Василий негромко произнёс:

– «И сказал Бог: вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя; – вам сие будет в пищу» (Бытие 1, 29).

Эти загадочные для современного «цивилизованного» человека слова из Ветхого Завета вдруг обрели для них конкретный смысл.

– Понимаете, нет «сорняков» в том смысле, в каком мы привыкли думать! Всякая травка нам жизненно нужна и полезна. И все эти «злостные сорняки» – и чертополох, и татарник, и пырей, и полынь, и лопух, и лебеда, – самые нужные нам травы. Вот почему их вокруг такое изобилие! Моя бабушка говорила: «Господь по своей неизреченной любви дает их всем под ноги – берите, дети, питайтесь, лечитесь. Каждая травка благословлена Богом. Господь пронизывает землю светом и любовью».

А мы недовольно отмахиваемся от бесценного дара, утратив знания о природе, травах, деревьях, которыми всего одно-два столетия назад владел каждый русский человек. Наши предки, в отличие от нас, прекрасно знали, как питаться, чем лечиться от разных болезней, обходились без таблеток.

А трава нас спасет, как спасала русских людей в голод, в Первую и Вторую мировые войны.

Василий хорошо помнил, как мама с бабушкой лечили тяжело раненных солдат. К ним в деревню их привозили на санях. Раненые лежали на матрацах на полу. Мама часто говорила: «Оставьте его мне, он смертник, а я его вылечу». Дети толкли крапиву в больших бочках, бабушка отжимала сок крапивы и поила им обескровленных солдат – крапива восстанавливает гемоглобин. Кашицей крапивы мама обвязывала им раны. Бинтов не было. Люди приносили старые простыни, мама кипятила их и рвала на бинты. Через две-три

недели лечения крапивой там, где были гноящиеся раны, появлялась нежная кожица. Так крапива затягивает раны.

В голодные двадцатые, когда началась эпидемия дизентерии, к травнице привозили детей, больных, таких, что голову не держали, очень истощенных. Мама оставляла их дома, стелила им отдельно на полу. Она поила их отваром корня конского щавеля. Он везде растет как сорняк, осенью и зимой повсюду стоят его коричневые стебли с семенами.

Как-то привезли мальчика семи лет – еле живого. Поили его отваром корня конского щавеля. На четвертый день от этого отвара гибнут все палочки дизентерии. И на четвертый день он поднял голову и попросил есть. Мама его спасла. А детей, больных дизентерией, в больницах держат двадцать один день. Любые нарушения кишечные лечатся корнем конского щавеля.

– Все травы, которые росли на огороде, мы никогда не выбрасывали: крапиву, сныть, лебеду и другие. Лебеда растет на всех огородах. Она богата белками и заменяет мясо.

В 1933 году был голод, умерло много людей. А мы не голодали, питались корнями. Мама этими корнями лечила многих людей. Когда ранней весной люди начинали пахать огороды, по всей деревне после боронования мы собирали корни. Таскали эти корни мешками. Намоем их, насушим.

У нас был большой камень и поменьше, и по очереди мы перетирали этими камнями корни и превращали их в муку, а

мама пекла из нее хлеб. Хлеб из корней вкуснее и питательнее, чем пшеничный. Мы делали из корней каши.

Гулямов добавил:

– Есть такая травка мелкая – мокрица, которую надо есть ранней весной в салате, печь из нее пироги – они вкуснее, чем с капустой. Она укрепляет мышцы сердца. Не хотите ничем болеть – накопайте себе три корня – лопуха, пырея и одуванчика. Ими лечатся все дикие животные, кошки и собаки. Для человека он полезен тем, что восстанавливает нарушенный обмен веществ. Корни пырея употребляются как болеутоляющее и средство от фурункулеза.

Корень лопуха лечит все кожные заболевания: ожоги, пролежни, экземы, гнойные раны, снимает температуру.

Салих Гулямов оказался в лагере ещё весной.

Салих

Позже, когда к их "братству" присоединился студент-фармацевт Салих Гулямов по прозвищу "фарма" эти

травяные запасы спасали жизни узников в условиях полного отсутствия лекарств. Природа Узбекистана тоже богата травами. С детства бабушка Салиха, потомственная травница учила мальчика разбираться в степных травах. Травяными настойками и отварами лечили в аулах и людей и животных. Наверное, знания, полученные от бабушки, и вдохновили Салиха учиться на факультете фармацевтики.

В Узбекистане врачей всегда не хватало. В 30-е годы Манфред с женой Еленой, выпускники мединститута, были направлены по распределению в больницу города Шахрисабз. Благодаря усвоенному там небольшому запасу узбекских слов, Манфреду удалось преодолеть недоверие Салиха.

Именно он и рассказал Эсси-Эзингу о враче Чернявском из концлагеря на Полтавской улице.

Сам Григорий Чернявский не был пленным, его из городской поликлиники направил на работу в лагерь Байбара, возглавивший оккупационную Биржу труда.

Григорий Яковлевич Чернявский помог Салиху избежать отправки в лагерь смерти, куда отправляли совсем больных, подлечил, даже помог устроиться возчиком, когда узнал, что Салих отлично умеет управляться с лошадьми. Как возчика парня и перевели в DULAG 111.

Вскоре персоналу ревира приказали ознакомиться с директивой руководителя Управления имперской безопасности рейха Рейнхарда Гейдриха "Об окончательном решении

еврейского вопроса" и о том, что командиры и комиссары должны уничтожаться ещё на этапе фильтрации, если не согласны сотрудничать.

Каждый из медработников расписывался, в случае обнаружения среди пленных евреев, цыган, а также комиссаров и командиров Красной Армии, обязан доложить об этом надзирателям и охране. Иначе – расстрел. Тогда у Манфреда окончательно сформировалось убеждение, что инфекционный барак – отличное укрытие для приговоренных этой директивой. Надя подтвердила его наблюдения, что немецкие медики во время инспекций не торопятся осматривать "заразных". Мольтке в том числе.

Жестокие бои не уменьшали поток пленных. После прибытия в лагерь большой партии окруженцев, Манфред объявил, что среди поступивших обнаружен тиф. На стене третьего барака появилась крупная надпись: "TYPHUS".

Вебер предсказуемо заявил, что уничтожит всех зараженных, на что Манфред ответил:

– Я болел тифом, и полученный иммунитет позволяет мне без особого риска выполнять свои обязанности. Я надеюсь их вылечить! Пока их везли сюда, в тесноте наверняка заразились многие. Крайне расточительно уничтожать такое количество. Это незамедлительно отразится на поставках рабсилы в Германию, а ваша репутация образцового хозяина лагеря не должна пострадать.

– Ну что же... Похвально, что вы думаете о нуждах Германии и о моей репутации, но превращать весь лагерь в лазарет я не собираюсь.

– Совершенно с вами согласен! Именно для того, чтобы купировать инфекцию, я должен как можно быстрее выявить и изолировать больных. Нужны дополнительные средства дезинфекции и хотя бы немного белковой пищи в рационе.

– Я не собираюсь тратить на этих доходяг!

– Позвольте мне небольшой эксперимент, герр комендант! Это поможет вам выделиться среди других начальников подобных лагерей и будет способствовать вашей карьере!

Я читал в специальных отчетах для военных медиков. В Бухенвальде над узниками проводили эксперименты, связанные с эпидемиями тифа и паратифа, холеры, дифтерии. Институт гигиены войск СС устроил в бараке 46 лабораторию по изучению сыпного тифа. Большинство подопытных погибало.

Если вы позволите попробовать, я подсчитал!

Спирт можно заменить конфискованным у населения са-

могоном, это жуткое пойло больше ни на что не годится. А в качестве белковой добавки подойдет неиспользуемая молочная сыворотка, которая остается при изготовлении творога на местном молочном заводике. Эти новшества принесут вам славу руководителя образцового "безотходного" лагеря – каждый пленный на благо Германии. А какая польза от трупов?

То ли продуманная речь Манфреда Генриховича задела тщеславные струнки в душе Вебера, мечтавшего выслужиться и стать заметным в ведомстве Гиммлера среди бесчисленных комендантов концлагерей, то ли хорошее расположение духа после французского коньяка сыграло свою роль...

С Божьей помощью затея получила развитие к общей радости всех сотрудников ревира.

осень 1942

Тиф

Пополнивший рефир, ротный врач Иван Ковальчук, разбирая с Надей очередной подсохший снопик степных трав, заметил, что лютик и живокост способны вызвать на коже сыпь, а молочай может вызвать крапивницу (мелкую красную сыпь) и даже отеки, поэтому с ними нужно обращаться осторожно. Так был найден способ легально диагностировать тиф, чтобы бдительные блок-фюреры сами увидели сыпь на теле пленных, которых нужно было срочно спрятать в тифозном бараке.

Но что делать дальше? Бесконечно держать там людей нет возможности. Больной тифом либо числился выздоровевшим и подлежал отправке в Германию, либо должен быть в списке умерших. Идею отправлять их на "лечение" в городскую инфекционную больницу предложил Салих.

Он помнил, что доктор Чернявский высказывался очень уважительно о врачах-инфекционистах городской больницы Павлограда, рискующих своим здоровьем. Оставалось надеяться, что эти самоотверженные люди, в силу убеждений, готовы бороться и с "коричневой чумой" и быть в контакте с подпольем.

Самое сложное – "скормить" эту идею Веберу так, чтобы он её проглотил. Главный довод – наглядно показать: в чем его выгода. Эта скотина в любой ситуации искала выгоды в первую очередь для своей особы.

С некоторых пор Вебера угнетала осенняя хандра. Как любитель разговоров об искусстве, он не мог найти среди подчиненных собеседника, способного поддержать такую тему, стал чаще пить. Как-то захмелев, пожаловался Манфреду, что его окружение – необразованное быдло и солдафоны. У врача был опыт в поддержании подобных разговором – за годы обучения в Екатеринославском мединституте он много общался с сокурсниками из образованных интеллигентных семей. Многие умели играть на музыкальных инструментах, получили классическое для зажиточных семей обучение на дому. Еврейская диаспора города имела обширные связи в империи. Именно сокурсники приобщили Манфреда к посещению филармонии, театров и музеев.

С удивление Вебер обнаружил в Эсси-Эзинге эрудированного собеседника и стал иногда приглашать скоротать вечер беседой о возвышенном. Именно в такой вечер, почувствовав благодушное настроение коменданта, Манфред сокрушенно признался, что восстановление после тифа слишком затруднено скудным питанием, поэтому полноценными работниками выздоравливающие смогут стать не скоро. Как бы невзначай упомянул, что городская инфекционная больница, по словам проверяющих, не загружена настолько, как третий барак.

Гебитскомиссар Циммерман, панически боявшийся заразы, не рискнул закрыть больницу, ведь во время войны эпидемии не разбирают национальность и расовую принадлежность. Циммерман даже привел аналогию в беседе с шефом гестапо: "Клещи не различают бутоны роз или гортензий, пожирают с аппетитом". Этот чудаковатый цветовод всё сводил к ботанике.

Вот почему идея избавиться от этой "головной боли" за счет незанятых городских медиков Веберу пришлось по душе. Он в любом случае получал вылеченных узников назад, но с гораздо меньшими затратами.

– Манфред, родившись в Германии, ты бы имел все шансы возглавить приличную клинику. У тебя голова администратора!

– Благодарю вас, герр комендант. Надеюсь, вы возьмете меня к себе управляющим вашего поместья, когда закончится война, – Эсси-Эзинг знал, что это мечты всех тыловых крыс, считавших, что приносят огромную пользу рейху и понимал, что его иронию комендант не заметит.

Подобные разговоры очень тешили самолюбие Пауля. В ответ он лишь снисходительно похлопал врача по щеке, жестом отсылая прочь.

Затей фон Экке прислать к нему в лагерь нового обер-

арцта Вебера не обрадовала. Одно дело – совершенно подневольный врач-пленный, почти собственность. Другое дело – врач вермахта, но спорить с Экке было опасно. Прибывший обер-арцт представился Августом Вильгельмовичем. К счастью, дармовой спирт или самогон его интересовали гораздо больше больных узников.

После долгих согласований и препирательств с оккупационной администрацией всё же было решено передать инфицированных на попечение местных специалистов. Взамен Веберу пришлось согласиться передать в городскую больницу военного врача Василия Чабановского, попавшего в плен после разгрома нашего танкового подразделения под Барвенково.

До сих пор удивляет талант переговорщика, проявившийся у Эсси-Эзинга в плену. Среди тотального уничтожения советских людей в лагерях, ситуация, сложившаяся в DULAG 111 кажется уникальной, даже фантастической.

Из числа пленных медиков Манфред Генрихович подобрал себе целый штат помощников. Вебера это устраивало, врачи трудились бесплатно и добросовестно. Прощаясь с Василием Дмитриевичем, к которому успел привязаться, Эсси-Эзинг поручил ему:

– Присмотрись к врачам инфекционной больницы, выясни их настроения, чтобы подобрать стоящих доверия медсе-

стер. А главное – придумать, как убедительно переоформить лагерных больных в "умерших", любая ошибка смертельна.

Некоторые, из подготовленных к отправке командиров, были уроженцы этих мест, имели в городе знакомых. На них была возложена задача: найти связь с подпольщиками. Лейтенант Сергей Петренко в числе первых покинул ревер. Вывезенного из лагеря Сергея направили в группу Ивана Савченко.

Знакомый конвойный, "финн", как звали его между собой медики, делился с Эсси-Эзингом городскими новостями, из которых стало ясно – нефтебаза загорелась не сама по себе. Это обнадеживало – подпольщики действуют.

Андрей Никонович Нестеренко оказался в DULAG 111 в числе других, попавших в Харьковский котёл, там же познакомился с сержантом Стомбуном. Нестеренко, как командир, подлежал уничтожению, поэтому и оказался в инфекционном бараке. В среднем тиф длится 5-6 недель. Это время позволяло врачам ревера присмотреться к человеку, сделать выводы: чем дышит. Товарищи по тифозному бараку осторожно дали Андрею понять, что "заразился" он не случайно. Нестеренко был местным.

Глава 14

Нестеренко

Андрей Нестеренко родился 1 октября 1916 года на Хуторах. Как младший в семье во всём помогал отцу, но Никон Семенович рано умер. Старшие братья с семьями жили в селе Очеретоватое, недалеко от Зайцево. Мать Мария Филипповна трудилась в колхозе Победа на Хуторах и жила на улице Тимирязева (сейчас это микрорайон Сосновка). Изогнутая улочка, повторяющая линию реки Гнёздка с востока, плавно огибала мелкую речушку. Среди мальчишек Андрей был авторитетом. После призыва в армию, в 1938 году Андрей служил в 162-м полку НКВД в Луганске (тогда Ворошиловград) по охране особо важных предприятий промышленности.

Незадолго до войны был переведен политруком в Хабаровск. Затем записался добровольцем на Финскую войну, но пока решался вопрос с переводом, война с Финляндией закончилась. Его племянница Анна – дочь старшего брата Терентия вспоминала, что после демобилизации в 1940 году

Андрей работал на Снаряжательном заводе №55.

В сентябре 1941 года Нестеренко служил в Харьковском пограничном округе лейтенантом. Ранней весной 1942 года был заброшен в районе Зайцево. Андрей шёл измученный и замерзший в дом брата Терентия в селе Очеретоватое. Но его схватили на дороге.

Если бы не «тифозный» барак, снова оказаться на воле не удалось бы.

Прописавшись через квартального у матери, Андрей поступил на службу в 134-й Украинский добровольческий батальон охранной дорожной жандармерии. Со временем стал заведовать там складом оружия.

Чтобы Анну не угнали в Германию, Андрей поселил племянницу у матери и сделал ей медицинские справки о болезни.

Провал блицкрига изменил отношение к узникам концлагерей. Затянувшаяся война требовала обеспечение заводов рейха рабочей силой.

Гиммлер принял решение использовать завезенных с оккупированных территорий людей на самых тяжелых и вред-

ных производствах. Освенцим – первый лагерь, доказавший прибыльность использования бесплатных рабов.

Василий Чабановский, пользуясь договоренностью Вебера с инфекционистами городской больницы, иногда передавал через врачей медикаменты для ревира, прятал в упаковки записки. К моменту отправки в городскую инфекционную первой партии "безнадежных" из лагеря, Василий Дмитриевич получил от медсестер Ольги и Марии документы умерших в больнице горожан ещё весной и оформленных, как неизвестные, поступившие в лихорадке. Девушки уже тогда понимали, какую ценность представляют настоящие документы в условиях оккупации.

Бежать из больницы не имело смысла, это перекрыло бы путь спасения для последующих партий "больных", а кроме того для успешного побега нужны документы и адрес, где спрячут, хотя бы на время. Подпольщики от медсестер получали списки предназначенных в "покойники", подбирали жильё и удостоверения личности оккупационного образца.

А ещё надо было придумать способ вывоза людей из больницы и последующего устройства на работу в городе. Обойтись без регистрации на Бирже труда могли немногие. Без легального трудоустройства жители быстро отправлялись в трудовое рабство в Германию. Байбара всех безработных вносил в списки на вывоз.

Экке

Штурмбанфюрер Курт фон Экке, получивший крест за ликвидацию партизанского формирования (как было указано в его отчете), расправился с отрядом партизан Орловщанского леса вскоре после отступления Красной Армии.

Возглавляя Павлоградское отделение СД, Курт теперь чувствовал себя уверенно. С его подачи на территории бывшего литейного завода и был устроен фильтрационный лагерь для сортировки военнопленных DULAG 111.

Экке был абсолютно уверен в своей проницательности и умении выбирать из местного быдла людей полезных "новому порядку".

Таким был его переводчик Бондаренко, имевший немецкие корни, жестокий кровожадный садист, всю жизнь скрывавший своё происхождение и настоящую фамилию Бопп за украинской фамилией. Ему под стать был Василий Вивтаец, бывший тихий делопроизводитель, неожиданно для горожан возглавивший полицаев Павлограда, замещая Калиновского.

Во время визитов в DULAG 111 Экке, не доверявший

никому, изредка позволял себе отвлеченные беседы с Вебером о персонале:

– Наша работа с местными не предполагает сотрудничества с людьми, исповедующими порядочность. Благородные люди не воюют против своей родины. Поэтому привлекать приходится лишь тех, кто в эту категорию не попадает – мразь и продажные шкуры.

Полицай Маловик, один из немногих скрывшихся от возмездия в Эстонии на сланцевых рудниках, как и Вивтанец всё же получил по заслугам, хоть и с опозданием. Но это было много позже.

К концу 1941 года этот палач со своими извергами уничтожил в Павлограде более трёх тысяч человек.

Штурмбанфюрер устроил в подвале гестапо более десяти камер, три из них было отведено для пыток. Холеный Курт фон Экке цинично называл их "профилакторием". Пыточные, устроенные наподобие Дункель камеры – узкие бетонные пеналы для заключенных, но без подачи газа.

Тем более удивительно, что Экке прислушался к предложению Пауля Вебера.

Начальник концлагеря Вебер представил штурмбанфюреру доводы пленного военврача, как свои собственные:

– Расстрелять пленных мы всегда успеем, лучше использовать их, как рабов, на благо Великой Германии. Я подал рапорт герру Циммерману.

Нехватка рабочей силы в фатерлянде уже создавала серьёзную проблему.

Экке согласился с доводами и позволил теперь уже официально устроить в лагере "ревир" (медчасть) – лечить пленных, прошедших сортировку. Это давало новый статус с предоставлением перевязочных материалов со складов немецкого госпиталя.

Крохт – личный денщик Вебера зорко следил, чтобы редкие ценные вещи, конфискованные у пленных, не уплыли мимо кармана обер-штурмфюрера. Лишь жалкая часть официально оформлялась в фонд Победы Германии. Эсси-Эзинг помогал Крохту, но главной задачей считал выявление особо остро нуждающихся в медицинской помощи.

Oberarzt

Утром на построении озвучили приказ коменданта:

– Приказом по лагерю DULAG 111 Манфред Эсси-Эзинг назначается лагерным врачом и получает звание oberarzt!

Назначения, предписанные oberarzt исполнять неукоснительно!

(oberarzt (нем.) – старший врач, заведующий отделением в больнице).

Надя очень расстраивалась из-за узколобости вчерашних бойцов, выразивших презрение к доктору. Даже те, кому врач спас жизнь, смотрели подозрительно. Неблагодарность человеческая ранила медсестру.

Манфред, казалось, был совершенно к этому равнодушен. Он давно знал, как относятся к немцам, особенно те, кто помнил первую мировую войну, поэтому всегда представлялся латышом. Так и указал в анкете при поступлении в мединститут. Среди студентов-медиков было много евреев, скрывавших свои корни, многие после заключения брака меняли фамилию на славянскую. Ещё со времен "черты оседлости" было понятно, что это лучший способ раствориться

в империи.

Латыши при Ленине заслужили уважение своей преданностью вождю, поэтому в подробности анкеты никто особо не вникал. "Кто мог подумать, что мне пригодится принадлежность к немецкой расе", – думал Манфред Генрихович, вернувшись в барак на рассвете после очередного допроса.

Неутомимый, склонный к частым перепадам настроения, Вебер даже устроил несколько "очных ставок", где липовые пациенты уверяли, что знают его, как русского, ещё по военному госпиталю в Харькове, но Манфреда это не смутило. Он твердо отвечал на вопросы и смотрел Веберу прямо в глаза.

Вскоре комендант лагеря затеял новое испытание. Вызвал фельдшера Мольтке, занятого в основном оценкой состояния новых узников, поручил выдать доктору медицинские инструменты и понаблюдать, насколько умело Эсси-Эзинг ими работает.

Пришлось Мольтке подтвердить, что врач владеет хирургической оснасткой вполне профессионально, кроме того, и Надя успешно продемонстрировала навыки операционной сестры, безошибочно подавая нужные инструменты.

На этом ночные допросы прекратились. Вебер вынужден был признаться себе, что Манфред ему гораздо полезнее ленивого и туповатого Мольтке, который занимался только сортировкой, даже не пытаясь лечить. Что и подтвердили показатели смертности за июль и август, заметно снизившись.

В одном только Павлограде было три лагеря военнопленных: на обозном заводе Магазинера (после войны завод "Химмаш"), на улице Полтавской и самый крупный DULAG 111, откуда пленных грузили прямо в эшелоны для отправки в Германию. В этом лагере и оказался Манфред Генрихович.

DULAG 111 имел свою специфику в том, что состав пленных всё время менялся – лагерь был транзитный. Количество прибывших, отправленных, заболевших, умерших постоянно менялось и должно было отражаться в книгах учёта. От этой круговерти цифр порой вскипали мозги. А ведь за цифрами нужно было ещё прятать спасенных узников.

Множество раз Мольтке и гарнизонные инспекторы пытались поймать Манфреда Генриховича на несоответствии цифр реальному количеству пленных. Но всё было образцово.

Истинную картину знали только врачи DULAG 111 Василий Григорьевич Ковальчук и Митрофан Пантелеймонович Малиенко. Доктор Ивин иногда подшучивал над Малиенко:

– Тебе Митрофан, с таким отчеством сам Бог велел идти в целители.

Упрочив своё положение, Манфред стал советоваться с Надей, как уменьшить число пригодных к отправке в Гер-

манию, сохранив им жизнь. Надо искать выход на подполье. Как? Лагерь был нашпигован провокаторами и доносчиками, в основном из тех, кто добровольно сдался в плен.

Решено было максимально расширить подконтрольную врачебной проверке территорию. А Мольтке был только рад сбавить свою работу Эсси-Эзингу. Он и помог внушить Веберу идею о разделении ревира на отделения.

Таким образом, к концу лета Манфред Генрихович смог разместить больных в трёх ближайших к его каморке бараках. В отличие от остальных, больные получали горячую воду и кусочек эрзац-хлеба (из шелухи и опилок), только напоминающего хлеб.

сентябрь 1942

Инфекционная

Как-то ближе к осени, Пётр посетовал в разговоре с Кларой, что нет у них в дорожной жандармерии своего человека

среди жандармов.

Клара кивнула:

– Туда просто так не берут. Лёхлер принимает в жандармерию только после проверки или тех, кто уже служил полицаем.

Раздобыть документы полицаю помог случай. Война войной, а молодые девушки всё равно заглядываются на парней.

Под видом "умирающего" в инфекционную больницу из концлагеря переправили молоденького лейтенанта Чумака. Ольга Михайловна заметила, лейтенантик глаз не сводит с медсестры Марии. Когда они вдвоём с Машей снимали с веревки просохшее бельё, позволила себе пошутить по этому поводу. Машенька засмеялась, а потом с грустью сказала:

– Степан симпатичный, наверное, у него девушка есть, – вдруг взволнованно спросила, – а ты заметила, как на него похож тот, из соседней палаты? Ну, полицаи, которого ночью сняли с эшелона? Он с охраной сопровождения прибыл за партией пленных, а сам свалился в горячке...

– И как ты успеваешь всё рассмотреть, – задумчиво ответила Ольга.

– Лейтенант симпатичный, вот я и заметила.

– Ага, а полицай несимпатичный? – поддела Машу Быкова.

– Ну что вы смеетесь, Ольга Михайловна!

– Не до смеха, ведь Василий Дмитриевич говорил, что документы полицака пока спрятал у себя.

– О! – девушка замерла, – так, если полицай умрёт, мы сможем...

– Тише ты! Посмотрим. Ты... вот что, если полицай придёт в себя, порасспрашивай его ласково: откуда, где родные? Прояви сочувствие, одним словом.

В итоге, лейтенант Степан Чумак "выздоровел", как полицака, что и позволило ему поступить на службу в дорожную жандармерию. На вопрос, почему он не хочет вернуться в свой город, на прежнее место службы, ответил:

– Да ну их, доходяги эти всякую заразу разносят, воняют. А жандармы на свежем воздухе. Да и замену мне давно нашли, наверное, пока у вас валялся.

Форма полицака на лейтенанте Чумаке сидела, как родная
– Машенька постаралась.

Глава 15

Прибер в лагере

Подпольщики обоснованно считали, что не всем врачам инфекционной больницы можно доверять, поэтому рискнули организовать связь с лагерем напрямую. Информация о немецком oberarzt, спасавшем узников, просочилась из лагеря.

Но как получить доступ на территорию? Да не просто на территорию, а конкретно в ревир? Вот здесь и пригодился "фольксдойче Приберг". Соответствующим подтверждением его немецкого происхождения Степана снабдили ещё накануне оккупации, при подготовке подпольной группы.

Устроившись инспектором электроснабжения при Управлении городскими службами Гебитскомиссариата, Степан Силович свободно перемещался по городу, даже имел право явиться с проверкой электропроводки практически в любую

городскую контору. Именно так он инспектировал артель сапожников на Интернациональной улице, где трудился сапожником Андрей Павлович Караванченко, возглавлявший подполье. Прибер навещался в типографию, где доверенные люди из группы Шимановского изготавливали дополнительные бланки оккупационных удостоверений.

Степан по характеру был весёлым и рискованным человеком и так вошёл в роль фольксдойче, что смело носил в чемоданчике с электроприборами пистолет.

На упреки Андрея Павловича в излишней беспечности, отшучивался тем, что фашисты как волки чувствуют страх человеческий и не трогают уверенных в себе. Черная кубанка на волнистой челке Степана тоже была предметом постоянного "ворчания" Караванченко:

– Ну, какой ты немец! Где ты видел таких немцев?

– Она – мой талисман, – отшучивался Степан, – а вот человек, слишком старательно изображающий бюргера, скорее вызовет подозрения. Ну что мне монокль вставить в глаз? А? – хохотал Прибер.

– Хватит твоего "буржуйского" саквояжа, – вздохнул Андрей.

Саквояж, хоть и имел потрепанный вид, но сделан был на

совесть ещё в те времена, когда существовали адвокаты и клерки. Снабдила своего квартиранта таким раритетом жена инженера Шлепужникова. Караванченко, искусно владевший сапожным ремеслом, оборудовал саквояж потайными карманами и двойной подкладкой с жёстким днищем, под которым Степан выносил из типографии бланки удостоверений, прокламации с новостями Совинформбюро, детали для радиоприёмника, а то и динамит. Именно из этого саквояжа динамит попал в подкоп трубы на нефтебазе.

Степан любил риск, но был удачлив и осторожен. Чётко просчитывал опасность. Даже оказавшись под арестом, смог отвести от себя подозрения, убедительно сыграл роль фольксдойче – оскорбленного в лучших чувствах патриота Германии.

Постоянно он работал в штате городской электростанции. Наверное, безмятежная уверенность Степана действительно срабатывала. Он настолько свободно держал себя с фашистами и полицией, что те подсознательно соглашались: вот действительно представитель высшей расы, с чувством собственного достоинства, присущего арийцу.

Поддерживая свою репутацию немца, Прибер дотошно вникал во все тонкости электроснабжения проверяемого помещения, с чисто немецкой скрупулёзностью выискивал малейшие нарушения:

– Я не допущу здесь разгильдяйства, как привыкли при

большевиках! – нагонял он страху на артельщиков и лавочников.

– Ну, ты не очень-то разоряйся, – посмеивался наедине Караванченко, – совсем запугал наших сапожников.

– Бей своих, чтоб чужие боялись, – как всегда прибаутками отделивался Степан.

Свободно перемещаясь по городу, Прибер был единственным связным между сапожной артелью Андрея и Петром Кравченко. Сам Пётр очень редко выходил в город, кривые переулки Павлоградских Хуторов на окраине редко посещались патрулями. Замысловатое переплетение проулков между домами и тупиков запутывало, позволяло ловко уйти от слежки. По сути, Пётр Онуфриевич был мозговым центром и основным стратегом подполья.

Именно Прибера решили послать в DULAG 111 под видом инспекции электропроводки. Желание фольксдойче познакомиться поближе с соотечественником врачом в процессе осмотра помещений, не должно было вызвать подозрений. Кроме того, полномочия Прибера позволяли заглянуть во все здания лагеря.

Комендант DULAG 111 хандрил. Близость осени сказывалась или скверный характер. Сложно сказать.

Как любой собственник, Вебер терпеть не мог посторонних на своей территории. Ему уже осточертели всякие проверки и инспекции, а тут заявился какой-то наглец в кубанке, хоть и с документами фольксдойче и понёс околесицу, смешивая немецкие и русские слова.

Комендант лагеря приказал Крохту выставить его за ворота, но слова "герр Циммерман" привлекли внимание к невразумительным объяснениям.

Пришлось прибегнуть к помощи Манфреда Генриховича, чтобы перевести невозможный немецкий электрика вперемешку с русскими словами.

Фольксдойче "Приберг" озадачил Манфреда своим независимым отношением к коменданту лагеря. Он демонстративно игнорировал недовольство Пауля, заявляя, что немецкий порядок – это порядок во всем, в том числе и в состоянии электропроводки и приборов.

Рассматривая проводку на стене между бараками, Степан тихо сказал, наклонившись над саквояжем:

– Ваши тифозные пошли на поправку, велели кланяться вам.

Обер-арцт замер: "Это что провокация?" – решил притвориться, что не расслышал.

Прибер быстро окинул взглядом территорию и тихо назвал пароль, который Манфреду оставил доктор Чабановский. Манфред Генрихович медленно выдохнул: "Свой".

Неожиданно Степан строгим начальственным тоном заявил:

– Трещины на изоляции! Любой дождь может устроить замыкание!

Манфред принял игру и дрожащим голосом просителя стал оправдываться:

– Простите, я попрошу герра Вебера всё исправить.

Из барака выбрался неслышно, как тень блок-фюрер, явно затихарился подслушать.

Осмотрев проводку ещё в двух бараках, Степан попутно тихонько расспрашивал Манфреда о порядках в лагере:

– Вывезти всех под видом больных тифом невозможно, тем более дело к зиме.

Не хватало нужного количества одежды и документов. Нужны новые способы вызволения людей. В окрестных деревнях полно вдов и одиноких женщин. Наверняка часть из них согласится принять в дом помощника по хозяйству, под видом родственника забрать из лагеря за мзду охране. Жадный конвой иногда обменивал пленных на украшения или ценные вещи. Если "жена" хотела вытащить "мужа" на волю, особо не вникали в степень родства и охотно шли на сделку.

Степан подключил какой-то прибор к щитку, прикрывшись дверцей прошептал:

– Подготовьте списки людей с описанием внешности, всех, кому грозит уничтожение. Их в первую очередь нужно обеспечить "заботливыми родственниками" не жалеющими выкупа. Я не смогу сюда явиться в ближайшее время, только через месяц приду проверить устранение выявленных нарушений. Связь будете держать через женщину, которая принесёт передачу, якобы найденному в лагере мужу. Мария назовёт пароль: спросит о здоровье Серёжи. Попытается договориться с охраной и предложить выкуп.

– Да, это хороший способ. Знакомый конвойный из Финляндии уже приводил меня на КПП, как переводчика, помочь в таких сделках своим напарникам из охраны.

– Отлично, передайте Марии заготовленные списки и "му-

жа", а она приведёт других женщин.

Мария Филипповна Лубьянская – отважная связная. Бесчисленное количество раз она безотказно, рискуя, приносила в корзинке лекарства, бланки, детали рации, взрывчатку, спрятанные в вещах "для обмена". Она обеспечивала передачу важных сведений между отрядами подполья. Всю жизнь прожила в Павлограде, могла ночью пройти в любую точку города по самым глухим переулкам.

Именно Мария Лубьянская связывала Манфреда Генриховича с внешним миром, устраивала узников в дома жительниц. Несмотря на молодость, девушку звали по имени-отчеству, оказывая уважение смелости и находчивости.

Парикмахерская Ивана Люльки находилась рядом с рынком. Ох, непрост был пожилой цирюльник. Оформил патент и, чтобы привлечь новых клиентов, старательно приладил вывеску "Friseur" по примеру часовщика.

Сначала потянулись полицаи, привлеченные заграничным словом, а затем итальянцы, румыны, да и немцы не брезговали. Рынок – место бойкое.

Иван Иванович брил клиентов, отлично делал стрижки и старательно запоминал всё, что слышал от посетителей. Специально для этого устроил в паре шагов от кресла удобный диванчик, столик с журналами и газетами, даже раздобыл пару фикусов в здоровенных кадках.

Когда Прибер, явившийся рано утром, как обычно для "проверки проводки", выразительно покачал головой, глядя на этот буржуазный шик, старый мастер только усмехнулся:

– Молод ты ещё, Степан. Это всё для дела – необходимый антураж.

– Да ладно, – недоверчиво хмыкнул инспектор.

– Молодёжь... не понимаешь ты, что сидя в кресте с намыленными щеками не больно-то удобно разговоры вести.

– Ну?

– А тут рядом ожидающие отдыхают, беседы ведут. Растения создают иллюзию некой уединенности, а звук не гасят. Обслужу почти всегда воспринимают как мебель, вот и не опасаются сболтнуть лишнее. Особенно разговорчивые итальянцы, да и румыны – народ южный, болтливый. Я-то, можно сказать полиглот. Понемногу из контекста могу уловить смысл сказанного, связать с услышанным от других.

– Где же ты языкам обучился, Иваныч?

– А в плену, ещё в первую мировую. Там народец разный был, вот и беседовали, больше жестами поначалу, делать-то нечего было. Нас так не мордовали, как нынешние хозяева жизни. А память молодая была, цепкая.

Прибер уважительно покивал, задумался.

Люди, объединенные подпольем, как кирпичики в стене обороны – каждый на своём месте.

август 1942

Караванченко

После ареста Сташкова сомнения и страх за свою семью всё чаще одолевали Андрея Павловича, особенно по ночам.

Провал нашего наступления под Харьковом во многих умах посеял тяжкие сомнения. Разгром под Балаклеей, Кра-

маторском тысячи наших солдат обрѣк на плен. Гибель партизан в лесах Новомосковска окончательно выбила из равновесия.

В сапожную мастерскую с заказчиками стекались слухи и новости со всего города. Горожанам хотелось выговориться, тяжело копить тревогу в себе. Чтобы лишній раз не идти по городу, полному оккупационных патрулей, многие заказчики предпочитали подождать готовность ремонта прямо в мастерской. И до войны обувь ремонтировали и шили на заказ чаще, чем покупали новую фабричную, а в тяжелые времена спрос на ремонт возрос. Раньше в городе был свой кожевенный завод, поэтому достать кусок кожи для ремонта, чтобы обновить изношенную пару было гораздо дешевле покупки новой обуви.

Слухи были страшные. Говорили, что кроме Сташкова, выследили и арестовали всё подполье Днепропетровска, более восьмидесяти человек. Что люди, давшие приют Сташкову, уже найдены, их допрашивает гестапо. Мысли о том, что оставшиеся подпольщики Павлограда могут быть со дня на день арестованы по показаниям несчастных, не выдержавших пыток, не оставляла даже в тревожных снах. Ему стало невозможно спать с закрытыми окнами, ночная прохлада давала возможность перевести дух после изнуряющей дневной жары. Но малейший шорох за окнами тут же рисовал страшные картины ареста.

Всѣ чаще появлялись унылые мысли: "У Рябого давно нет

связи с Центром партизанского движения и, скорее всего, не будет, не до нас им. Наступление Красной Армии захлебнулось, немцы всё увереннее себя чувствуют, насаждают свои порядки. Неужели это навсегда? Теперь до конца жизни орудовать шилом и молотком сапожным. И сколько её осталось, этой жизни? Мне тридцать восемь. Что будет с семьей, если меня арестуют? Бедная моя Наденька", – мысли о жене неожиданно принесли облегчение, подумалось, что связной появится непременно ночью.

Не только страх ареста не давал уснуть, но и надежда, что придёт человек, назовёт пароль: "Ведь там должны знать о взрыве моста и немецкого санпропускника, о пожаре на складах. Понимать, что мы боремся, ждём..."

Садовниченко

Однако неожиданный посетитель пришёл днём. Неприметный человек принёс заношенную обувь для починки, присел, подождал, а когда жена с дочерью ушли из пристройки, в которой Андрей сапожничал, спокойно назвал пароль. Караванченко так растерялся, что с трудом вспомнил отзыв.

Связной оказался с Метизного завода и до войны знал Сташкова по работе. Тем печальнее было для него известие об аресте Николая Ивановича, который так надеялся на Харьковское наступление и вынашивал планы восстания в поддержку нашей армии. Наступление наших должно быть успешным, обязательно успешным, без поддержки армии восстание бессмысленно.

Новости, принесенные связным Садовниченко, тоже не радовали. Лето 1942 года было наполнено тяжелыми боями и отступлениями. Захвачен Воронеж, Ростов-на-Дону, Крым. Потери удручающие. На этом фоне несколько удачных диверсий против оккупантов померкли, стали казаться незначительными.

Сообщение из Центра о том, что новое наступление наших ожидается не раньше зимы, вызывало смешанные чувства – тоску и надежду.

Дмитрий Гаврилович вздохнул:

– Надо ждать, надеяться, обеспечить надежные явки и укрытия.

Дмитрия Гавриловича Садовниченко прислали вместо Сташкова. Идея подготовить восстание окрепла и стала обрастать деталями. В свои тридцать пять Дмитрий успел многое, с тринадцати лет осваивал сапожное ремесло учеником кустаря, три года служил в Севастополе, трудился электро-

монтером на механическом заводе в Павлограде.

Война застала Садовниченко в Бессарабии, присоединенной в августе 1940 года к Аккерману, и возвращенную румынами к июлю 1941 года снова под власть кондукатора Антонэску.

Действовал по традиционной схеме: ему помогли оформить патент сапожника, и Дмитрий решил поселиться в Петропавловке. Слишком многие помнили в лицо бравого краснофлотца.

Встречались тайком у Веры Гавриловны Корж, жившей на Притачилровке в маленьком домике номер 187 с соломенной крышей на тихой Озерной улице. Ремесленник, отправившийся за сырьём, не вызывал у патрулей вопросов.

Было решено готовить группы на разных объектах города к восстанию, обучить навыкам бесшумного устранения часовых, закладки взрывчатки, собрать детальные сведения об итальянских и румынских частях, дислоцированных в Павлограде.

Озёрная улица издавна славилась сапожниками, как и вся Притачилровка. Кое-кто из старожилов посмеивался, что и название этой части города за рекой происходит от сапожного термина "притачать" (присоединить), якобы от того, что этот пригород присоединился к основной центральной части города и Хуторам.

Название улицы было связано с небольшим озерцом, напротив которого жил тоже известный сапожный мастер Лу-

ка Ципура. В довоенное время к нему приезжали даже их областного центра партийные работники, заказать сапоги к широким галифе. Такой вот "партийный шик".

За работой память Дмитрия услужливо рисовала страницы прошлого родного города.

Возможно, активное развитие сапожному ремеслу дал завод по обработке кожи, а возможно расквартированный в городе ещё со времён Наполеона военный гарнизон 135-го Керчь-Еникальского полка.

Историки уверяют, что в чине подпоручика в городе служил будущий герой Отечественной войны 1812 года фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов. Очень интересна история строительства Свято-Покровского гарнизонного храма, старейшего из храмов на территории города. В середине XIX века он был основан гусарами Павлоградского полка, которые решили построить церковь в благодарность Богу за то, что Он сохранил их в боях. Каждый гусар жертвовал на строительство храма по одному серебряному рублю. На эти деньги и был построен храм, в котором во время службы помещался весь полк.

Илья Шатров – автор вальса "На сопках Манчжурии" –

служил капельмейстером Второго кавалерийского полка в Павлограде.

Вероятнее всего оба этих фактора повлияли на сложившиеся ремесленные традиции.

Садовниченко помнил, как ещё десятилетним подмастерьем разносил заказы и бегал к складам кожевенного завода мимо Свято-Покровского гарнизонного храма. В те времена сразу за городским кладбищем было Гусарское, так его называли старожилы. Перед войной на его месте построили хлебозавод.

Чумак

Наутро, воспользовавшись хорошим настроением шефа, Клара заметила, что неплохо было бы усилить батальон новым пополнением, заодно заменить некоторых пьющих сверх меры жандармов.

– Например, этот недавно принятый Чумак, имеет вполне бравый вид, особенно на фоне остальных. Чисто выбрит, не разит перегаром. Я думаю сделать его своим заместителем.

Лёхлер равнодушно взмахнул рукой:

– Ну, так поручите Байбаре подобрать через биржу пополнение.

Исподволь, всё чаще Клара деликатно подавала шефу идеи, как улучшить работу жандармерии. Лёхлер всё реже получал от Гебитскомиссара замечания, а после того, как Циммерман отметил на совещании явное улучшение состояния пригородных дорог, даже стал советоваться с помощницей:

– Вы здесь выросли и лучше знаете местную специфику, – покровительственно уронил он, выслушав её мнение.

Теперь у Клары появились в батальоне надежные соратники – лейтенанты Андрей Нестеренко и Степан Чумак.

Уже и проверку людей, направленных биржей труда, Лёхлер всё чаще поручал Кларе.

С наступлением осенних затяжных дождей его астма прогрессировала. Шеф перекладывал на переводчицу всё больше функций. По сути, Клара Таблер полностью заменила его в Управлении дорожной жандармерии. Полулежа в кресле, Лёхлер стал апатичен и ждал, когда же, наконец, его рапорт о переводе будет удовлетворён, и он сможет отправиться на

лечение в родные Альпы. Но замены всё не было.

Глава 16

Планы Циммермана

Биржа располагалась на первом этаже здания Городской Управы (ныне Главпочтамт). У входа и на площади толпились желавшие получить работу. Расценки выглядели так:

украинцы – 300 г хлеба

фольксдойче – 900 г хлеба

Строительные специальности после военных разрушений всегда востребованы. Новая власть всегда начинает с обустройства здания, где собирается разместиться.

Одним из основных постулатов нацистской идеологии был "Лебенсraum" – жизненное пространство для немцев.

Гебитскомиссар Циммерман планировал построить внушительную резиденцию. Он пришел сюда навсегда и привык всё делать с размахом. После победы богатые земли Украины будут поделены – нужно заранее застолбить террито-

рию. Планы Циммермана касались его семейного бизнеса, выращивания цветов в оранжереях. Он присмотрел несколько кварталов, и начать решил с улицы Харьковской. Глядя из окна комендатуры, он представлял, как раскинутся оранжереи, полные цветочного великолепия:

"Что может быть прекраснее цветов! Люди годятся лишь на удобрение для них. Именно цветы – венец творения Господа – лучшее, что создано им на земле, а не человек – смрадное существо, сеющее смерть и хаос.

Пусть эти ничтожные славяне воплощают его мечту, именно для этого он здесь".

Мечты Гебитскомиссара, самым бесцеремонным образом, нарушил резкий неприятный голос, прозвучавший из приёмной:

– Герр Циммерман на месте?

Не позволив секретарю даже двинуться, дверь в кабинет по-хозяйски распахнул статный эсэсовец, вскинул в приветствии руку: – Хайль! – прошёл к столу и вальяжно устроился в кресле. И только закинув ногу на ногу, представился:

– Обер-штурмбанфюрер Лунде – старший следователь гестапо Днепропетровска.

– Циммерман, – приходя в себя, кратко представился

Гебитскомиссар.

Властный гость явился проверить всё ли готово к встрече почетного представителя румынских союзников кондукатора Антонеску. Оккупационные власти старались обеспечить приём на высшем уровне. От благосклонности румынского генерала зависели поставки нефти вермахту.

Гебитскомиссар Павлограда даже среди своих немецких собратьев слыл чудачком. Иронизировать по поводу его пристрастием к цветам стало нормой: "Развёл баварец лютики-тюльпаны. Нечего сказать крепит мощь немецкой армии, обеспечивает тыловую поддержку победоносным солдатам вермахта".

Но Циммерман был счастлив, украинская земля была щедрее баварской. Небывало снежная зима 1941 года обеспечивала всю весну необходимую влажность, и высаженные семена цветов откликнулись бурным ростом. Сортовые розы и лилии поражали красками и формами. Сумасшедшая, в чём-то наивная, мечта устроить фюреру триумфальную встречу и получить верный шанс стать полновластным хозяином этой благодарной к труду земли не оставляла мысли Гебитскомиссара. Генрих Циммерман точно знал, чего хочет от жизни. Визит румынского генерала Антонеску будет своеобразной репетицией встречи Великого Адольфа. Он поразит любимого вождя и утрёт нос всем!

Особое внимание Циммерман уделил составлению рас-

писания визита кондукатора Румынии. В переводе с румынского "кондукатор" – вождь, не больше, ни меньше. А чего мелочиться. Не зря румынский глагол "вести" – "conduce" так похож на итальянский "ducere" – дуче Муссолини.

Вместо рискованной поездки в район действующей армии, Ион Константин Антонеску решил устроить визит с освящением могил доблестных солдат Румынского королевства.

Из Днепропетровска прибыл специальный оркестр, исполняющий румынские и немецкие марши.

Осмотр "профилактория" устроенного штурмбанфюрером Экке, вызвал у Лунде гримасу, которую можно было трактовать двояко: то ли одобрение зверства местного СД, то ли отвращение к несчастным узникам.

август 1942

Антонеску

Эскорт кондукатора впечатлял: почётный кортеж из мотоциклистов впереди и в арьергарде, броневики охранения, в центре процессии – сверкающий лаком чёрный опель.

Сопровождал Иона сам шеф областного гестапо Мульдэ.

После организованного подпольщиками Одессы взрыва в октябре 1941 года, уничтожившего практически весь штаб румынской армии, кондукатор ненавидел любые многолюдные официальные церемонии. Но, деваться некуда, необходимость новых мобилизаций в Румынии требовала участия в мемориальных церемониалах на могилах, погибших "за возвращение Бессарабии" солдат королевства. Не зря же его второе имя Виктор. Он должен преодолеть все опасности, победить проклятых русских. Он – потомок Великого Рима, покажет этим "неполноценным славянам", посмевающим откромсать часть его Родины.

Все подразделения СД и дорожной жандармерии были предупреждены о важности мероприятия и крайней необходимости предельных мер безопасности.

Гебитскомиссар был взволнован: "Нельзя ударить лицом в грязь перед немецкими официальными лицами, сопровождающими кондукатора. Большая ответственность! Ни в коем случае нельзя потерять это место, только удалось здесь всё наладить. Сейчас в моём распоряжении земля Павлограда и всего уезда, закрепить её любой ценой!"

В жарком воздухе победно сверкали музыкальные инструменты, реяли имперские и румынские флаги. На клад-

бище собралось духовенство, военные. Поминальное богослужение в православном облачении выглядело более торжественно, чем привычная католическая служба.

Антонеску решил не отступать от правил и подошёл к священнику получить благословение. Начальник биржи Байбара нарядился в вышиванку и пыжился от гордости. Как же, его признают, как важную персону наравне с другими вершителями судеб этого города, почтили приглашением. Рядом тянули шею председатель Городской Управы и начальник полиции Вивтанец.

Фуражка с кокардой румынского образца покоилась на сгибе локтя генерала. "Обнаженная голова кондукатора – дань уважения доблестным сынам Румынии", – начал строить статейку, прибывший с Антонеску румынский репортер.

Стоящие немного в стороне Циммерман и, прибывшие из Днепропетровска Зальцнер и Мульдэ, разговаривали в полголоса о своих проблемах. Гебитскомиссар Павлограда высказал своё недоумение по поводу, проявляемой гестапо, заботы о здоровье арестованного Сташкова:

– Какой смысл лечить его перед казнью?

– Вы не понимаете, дружище. Казнь больного и немощного человека выглядит, как избавление от мук, а не как неотвратимая кара за содеянное. Казнь должна устрашать! Толь-

ко так.

– Вам виднее, – пожал плечами Циммерман.

Коренастый Антонеску заметил, что немецкие офицеры негромко переговариваются, вместо того, чтобы благородно молча скорбеть, и нахмурился.

Под звуки завершающей молитвы генерал встал на одно колено и склонил голову, как бы в назидание немцам: "Учитесь, болваны благородному поведению". Склоненные головы военных способствовали тому, что никто не смотрел вверх, а потому присутствующие не поняли, откуда появились и бесшумно планировали в знойном воздухе белые листки прокламаций. Словно белые библейские голуби, тихо опускались на кресты и могилы.

Горожане, принудительно согнанные полицией, заметили, что листовки появились из старенькой часовни в честь иконы Богородицы "Нечаянная радость", давно заброшенной и стоявшей в глубине кладбища. Самые сообразительные среагировали первыми, понимая, что репрессии последуют неизбежно и устремились прочь. А самые смелые поднимали и бегло пытались прочесть, пока полицаи не опомнились и не стали вырывать листки из рук.

Охрана генерала моментально образовала плотное кольцо вокруг Антонеску. Лишь священники невозмутимо, словно их не касалась мирская суета, продолжали молебен сла-

женными голосами. Но пафос церемонии был смят: солдаты бросились собирать листовки, унтеры суетились, выкрикивая команды, полицаи принялись отгонять толпу горожан к воротам.

Никто не осмелился забрать лист из рук кондукатора, а он с интересом рассматривал явно свой карикатурный портрет с гипертрофированным носом, пытаясь вникнуть в смысл текста под рисунком.

"В генерале Антонеску
Мало толку, много блеску.
Здесь могилоч миллион
Освятить приехал он.

Наш Антонеску томненький
В надежде на Святых.
Живой – среди покойников
И труп среди живых".

Кондукатор внезапно развернулся и, даже не глянув в сторону хозяев города, резко приказал водителю:

– Вперед! К машине.

Автомобиль не притормозил у здания Управы на Соборной площади, пронёсся мимо резиденции Гебитскомиссара,

где был приготовлен приём в его честь.

Вернувшийся с кладбища Циммерман тоскливо обвёл взглядом зал, роскошно украшенный лучшими цветами, и вздохнул: "Да, скверно. Могут ведь, и турнуть отсюда из-за этого румынского павлина. Тьфу ты! СД совсем мышей не ловит".

Полиции вытряхнули из часовни весь хлам, но ничего полезного для поиска храбрецов не нашли.

Клара горестно подумала: "После такой пощечины расправа над населением неизбежна".

Перед возвращением в Днепропетровск, Мульде вызвал штурмбанфюрера фон Экке:

– Оставляю вам в помощь моего следователя. Оберштурмбанфюрер Лунде – один из самых опытных моих сотрудников, его распоряжения извольте выполнять незамедлительно! Ваша активность в поисках виновных нашего позора перед румынами будет отражена в его рапортах. Наш агент Мартынов прибудет сюда завтра, своё задание – поиск Сташкова он выполнил с блеском. Учитесь! Обеспечьте всяческое содействие!

Курт фон Экке стоял навтыжку, он готов был на всё, лишь бы избежать отправки на фронт.

Издавательские стишки уже пошли в народ, пересказывались шёпотом друг другу на ухо, поднимали настроение

неунывающей молодёжи. Ничего не обнаружив в часовне, гестапо арестовало всех кладбищенских нищих, о чём было доложено Циммерману. Зальцнер позвонил из Днепропетровска как раз в тот момент, когда Клара была в кабинете Гебитскомиссара. Выслушав сбивчивые заверения о том, что посты жандармов усилены и ведутся поиски, Зальцнер заорал из трубки:

– К чёрту! Немедленно поднимите архивы местной газетенки и просмотрите в подшивках: кто из писак опубликовал свои стишки при большевиках! Пасквиль на генерала явно дело их рук!

Клара делала вид, что смотрит в окно, стараясь не пропустить ни слова из телефонной мембраны.

"Ах ты! Колю срочно нужно спрятать на Хуторах. Он не успел уехать в эвакуацию, но зато успел сжечь старые подшивки из подвалов редакции. А ведь довоенные газеты наверняка остались в городской библиотеке. Хоть фашисты и сожгли часть книг, многие жители успели спрятать по домам. Пока нет униформы, спрячем Колю среди жандармов и, под видом проверки на Хуторах, перевезём в сопровождении жандармов к надёжным людям. Мало ли, кто-нибудь захочет выслужиться и донесёт".

Не уберегли.

Шуть

Местного поэта знали многие. Шуть Николай Иванович родился 25 ноября 1918 года. Николай был известен большинству жителей – в маленьком городке поэты на виду. Четыре месяца подпольщики прятали Николая у надёжных людей. Парня схватили по доносу в декабре 1942 года. В гестапо несколько часов пытали, заставили босиком стоять на битом стекле. Вместе с надрывным кашлем выходила кровь, и, казалось это кровь из раскромсанных ступней.

Глядя в крошечный квадрат окна под потолком, Николай думал: "Ну, что же, многие знаменитые поэты умерли молодыми. Даже странно, мои стихами заполнены листовки, многие догадываются, кто автор, но никто меня не выдал. Всё же люди лучше, чем о них принято думать. Просто сволочи заметнее".

Именно сволочи и предатели были персонажами многих его насмешливых творений.

Николай вздохнул, низко опустил голову. Похоже всё. Нет шансов вырваться из фашистского "профилактория", как цинично называл Экке камеры в подвале гестапо.

Решил напоследок поднять настроение товарищам по камере, негромко прочёл несколько стихов.

Один из парней с разбитой губой пренебрежительно махнул рукой:

– Та-а, стишки. Вот в листовках я помню, какой-то поэт припечатал! Так это да-а!

Мужичок в потертом ватнике оживился:

– Знатно приложил холуёв немецких!

Николай процитировал:

– В текст присяги мы добавим
К мерзкой вашей бумажонке:
«Вас, прохвостов, не оставим,
Выпустим из вас душонки!»

– Во-во! Точно! Там ещё были слова присяги для полицеев!

Николай встал:

– Я буду помогать гнать в рабство

Украинский народ, его детей,
С бандитами, убийцами вступаю в рабство,
Мой долг теперь – пытать и вешать матерей.

– Так... это что? Твои? – ошалело спросил пареньь.

– Да, – кивнул Николай.

– Братишка, – растроганно пробормотал сокамерник, – дай пожму твою руку.

Люди окружили поэта, жали руку, хлопали по плечу, выражая восхищение. Кто-то вспомнил историю с румынским кондукатором на кладбище.

Подошёл Павел Кузьмич Дахно, обнял. Поэт хорошо знал его по театру.

– А вы ... как ...?

– Меня выдал Дудка.

– А меня ... наверное, кто-то из редакции, впрочем, теперь уже не важно...

После жестокого допроса ноги кровоточили.

"Въелись в тело пыток ножи,
Мучит собачий вой
Родине нужно, чтоб я не жил?
Смерть! Приходи за мной!

В саван белый потом окутает
Мою душу и тело лёд.
Но не сгину я смертью лютою,
Ведь Отчизны тепло сберёг!

Очень больно, и слёз мне не скрыть,
Но я вижу дорогу-беседу...
Нынче можно влюбленному быть
Кроме Родины, только в Победу.

Николай читал стихи соседям по камере, кое-как перевязавшим ему ноги обрывками одежды, удивлялись: "Так вот оказывается, чьи стихи про генерала Антонеску... Молодец парень! Сам делал оттиски из обрезков линолеума, умелец".

Эти куски линолеума и нашли гестаповцы при обыске.

Коля мысленно представил себя со стороны, подумал с самоиронией: "Вот и настигла меня слава поэтическая и авторское признание, лаврового венка не хватает... А терновый уже заготовлен".

Не успел Коля стать знаменитым, успел стать человеком.

Их собирались повесить за день до прихода в город Красной Армии. 17 февраля 1943-го Николая освободили оставшие и вывезли в окрестности Синельниково, но гестапо снова напало на след поэта. До сих пор неизвестны обстоятельства его гибели.

Арест Прибера

Арест Степана Прибера стал полной неожиданностью. Шлепужниковы, у которых Степан снимал комнату, были из обедневшего дворянского рода. Даже удивительно, что репрессировали только главу семьи, инженера – преподавателя рабфака, а жену и дочь не тронули.

Оказалось, что обрусевший генерал царской армии Раненкампф Павел Карлович – потомок старинного немецкого рода, был крёстным инженера. Жена Шлепужникова вернулась из полиции подавленной, гестапо потребовало собрать шестьдесят подписей от людей, готовых поручиться за Степана. Но это не реально, кто согласиться поставить свою подпись и добровольно стать заложником?

– В случае чего... сами понимаете, что с будет с поручившимися, – хмуро заявил ей фон Экке.

Подпольщик Ларцев, служивший по заданию полицаем, принёс эту новость в мастерскую Караванченко вместе с парой старых ботинок.

Андрей Павлович с ненавистью приложил молотком подметку:

– Вот сволочи, что удумали! – зло сплюнул мелкие сапожные гвоздики, зажатые в углу рта.

Мысли завертелись: "Ведь подписаться согласятся только те, кто не боится оккупантов и сочувствует Степану, а значит – так же неблагонадежен, как и сам Прибер. Опять же! Откуда у фольксдойче столько знакомых, готовых подставить свою шею? Это явная провокация. Интересно, что скажет на это майор Кравченко..."

Прибер отсидел несколько дней в переполненной камере вместе с попавшими в облаву на городском рынке. По рассказам тех, кто возвращался с допросов, стало ясно, что фашисты ищут наугад, не имея не малейших зацепок. Гестаповцы требовали выдать тех, кто взорвал мост и гарнизонную баню-санпропускник. В душе Степан тихо ликовал: "Ни хрена суки не знают. Пальцем в небо".

В допросной амбале с закатанными рукавами, вызванный переводчиком Бондаренко, методично избивал Прибера. Было невыносимо больно, и подпольщик решил не сдерживать крики. "Зачем простому инспектору электросетей изображать стойкого оловянного солдатика, если у тварей нет никаких улик против меня? – думал Степан, лежа на полу, – пусть считают меня обычным малодушным обывателем, не имеющим сил терпеть истязания".

Кровоподтеки на скулах и разорванный край губы маскировали гримасы ненависти, невольно проявлявшиеся на лице.

"...Кто-то выдал...? Нет, если бы предали, вопросы носили бы более конкретный характер. Они не знают в чём меня обвинить..." – мысли устало ворочались в гудящей от побоев голове.

Степан вспоминал жену Марию и детей, оставшихся у родни в Краснодаре. Они так и не успели уехать в эвакуацию, ждали его, а потом стало поздно: "Валерка, наверное, вытянулся за лето, и Аллочка подросла... как давно не видел их, второй год пошёл. Теперь, похоже, и не увижу..."

Август принёс духоту и жару. В камерах дышать было нечем.

О том, что гестапо расшифрует записную книжку, изъятую при аресте, Прибер не волновался. Разобраться в записях номеров электросчётчиков и цифрах показания расхода

энергии, можно было, если известен ключ, который хранился в памяти Степана. А в остальном, записи выглядели вполне невинно: учёт расхода электроэнергии.

Свидетелей его встреч со Сташковым не было, иначе давно бы уже устроили очную ставку. В присутствии посторонних он встречался только с "Артистом". Такой позывной придумал себе Дахно Павел Кузьмич, неудачный, как считал Степан, слишком прямая аналогия с профессией Павла. Найти уединенное место в театре "Українець" было не просто, но ведь и Прибер приходит туда не как посетитель, а как инспектор электросетей, по долгу службы.

Явку в доме Ольги Анисимовны Кропивы он тоже посещал под видом контролера, как и остальные адреса. У этой милой пожилой женщины Прибер встречался с майором Кравченко. Именно там Пётр сам рассказал ему о Кларе Таблер, о том, что спасённые ими узники постепенно пополняют её отряд жандармерии. Степан вспомнил своё удивление и грустно усмехнулся.

В итоге гестапо так и не смогло ничего предъявить фольксдойче Прибергу. Бывший профсоюзный деятель, служивший инспектором по охране труда при коммунистах, в

партии никогда не состоял. Подписи, собранные поручителями, подтверждали эти факты.

Степана выпустили, с намерением проследить.

Степан не мог поверить, что снова свободен. Станным образом, подрыв нефтебазы в сентябре сыграл в его пользу, косвенно подтвердив непричастность. Но, главным образом помогли хлопоты Шлепужниковой, которая даже принесла в гестапо старую семейную фотографию с царским генералом Ранненкампом. Как не побоялась. Её уверенность, что Приберг – настоящий фольксдойче, не мог быть замешан ни в чём противозаконном, оказалась убедительной.

Штурмбанфюрер Курт фон Экке рыскал по городу и теперь не видел смысла тратить время на инспектора электросетей.

Выдержать допросы помогла записка от Клары, спрятанная в хлеб: "Напирай на речь фюрера о единстве нации, на то, что ты – немец. У них нет ничего конкретного". Её переписал печатными буквами и успел передать Иван Сидоров, незадолго до пожара на нефтебазе, тоже служивший полицаем по заданию подполья.

– На прощание хочу попросить вас, герр штурмбанфюрер, с настоящими подпольщиками не церемоньтесь, как со мной. Уничтожайте их, как собак, – дерзкий совет Прибера озадачил Экке.

Через полгода в феврале 1943 года Степан Силович Прибер ушёл после восстания вместе с нашей армией. Получил назначение в соединение партизанских отрядов им. Чапаева в группу Сабурова. В поисках наиболее подходящего места для прорыва партизан ушёл с разведчиками. Погиб в Карпатах.

сентябрь 1942

Нефтебаза

Клара надеялась, что взрыв на нефтебазе переключит внимание гестапо. Аксию готовили давно, ждали только, когда в хранилище под завязку накачают румынского бензина для самолетов. Чтобы уж рвануло на славу!

Лишить фашистов топливной базы – подарок фронту.

План подрыва нефтебазы помог составить Шинкаренко – человек, принимавший участие в её восстановлении и строительстве новых хранилищ в самом начале оккупации. Как и

многие, нанятые через Биржу, он использовал возможность получить паёк на семью, живущую впроголодь. Тем не менее, работая на территории нефтебазы землекопом, подумывал: "Вот сюда хорошо заложить динамит, а отсюда протянуть шнур..."

До войны он успел послужить в инженерных частях, опыт имел. Именно тогда ему и пришла идея прикопать запасную секцию трубы у водозаборника, идущего от реки. Якобы по ошибке, он прокопал траншею для трубы левее, чем предписывала разметка плана. А потом, "спохватившись" вырыл новую, а "неправильную" закопал, "случайно" оставив там секцию трубы. Всё это заметил подпольщик Иван Сидоров – полицей, зачисленный в охранение нефтебазы на время работ, но не подал виду. Решил присмотреться к землекопу, посоветоваться со своими.

Уже позже, познакомившись с подпольщиками, Шинкаренко и предложил проникнуть на нефтебазу со стороны водозаборника древним казацким способом: медленно доплыть под водой, вдыхая через полый стебель тростника, как через трубочку. Заметить с вышек на фоне шелестящих зарослей тоненькую тростинку невозможно.

Сделали вдвоём с Иваном пробный заплыв в маленькой речке Притачиловке, Шинкаренко отыскал камень, обвязанный обрывками красного транспаранта, некогда украшавшего доску почёта нефтебазы. Этот камень он притопил у самого берега, как ориентир, когда закапывал трубу. Пришлось

поискать, ткань потускнела под слоем ила, помогли остатки старых мостков, сгоревших при отступлении наших. Ночью бы вряд ли нашли, а на рассвете, когда охрана теряет бдительность, а солнце уже проникает под воду, получилось.

По окончании строительных работ поверх зарытой "ошибочной" траншеи немцы рядами натянули колючую проволоку. Внешний край трубы прятался в зарослях тростника и служил хранилищем для брусков динамита, завернутых в брезент и куски автомобильной камеры. Динамит частями перевозили на рассвете несколько раз, пока не набралось достаточное количество для детонации подготовленного к подрыву резервуара с бензином. Очень пригодился сакво-ж Прибера с двойным дном. Шнур доставили в последнюю очередь, были сомнения, не погаснет ли шнур в трубе, если накануне пройдет дождь и вода просочится внутрь трубы. Решено было для подстраховки наполнить несколько бутылок "коктейлем Молотова". Подрывники понимали, что опасность велика, но перспектива нанести врагу грандиозный ущерб была заманчивой. Учитывая насколько это может облегчить положение наших на фронте, риск был оправдан.

Шинкаренко настаивал, раз это его затея, то и осуществить диверсию должен он, тем более что был знаком с "географией" нефтебазы. Напарником был "полицай" Сидоров, подменивший охранника "внезапно" ушедшего в запой без помощи подпольщиков. Пуля настигла Ивана с вышки, когда полыхнул первый заряд динамита. На фоне блестяще-

го резервуара пламя очень ярко осветило силуэт в форме полица. Это отвлекло стрелка на вышке и позволило Шинкаренко бросить бутылки с "коктейлем" точно в цель. Ушёл он так же по воде.

Пожарная часть тоже внесла свою лепту, не слишком быстро торопясь на вызов. Огромный факел бил в чёрное небо. Из тёмных домов люди смотрели на огромный фонтан огня: молодые – с восторгом, старики – с ужасом, понимая, что ярость немцев будет страшной.

Экке был даже не в ярости, а в иступлении. Штурмбан-фюрер пришёл в себя и смог связно мыслить лишь после того, как приказал вывести во двор троих арестованных по доносу и лично застрелил прямо с крыльца гестапо. "Мало того, что перед Антонеску опозорились, так ещё и такая диверсия! С такими "успехами" я могу угодить на Восточный фронт. Тогда мои планы на получения поместья украинской земли могут обернуться могилой в этой самой земле. Тупицы! Вокруг одни тупицы!" – ярился гестаповец.

"Факел" пожара полыхал несколько дней. Местная пожарная часть тщетно прилагала все усилия, но не преуспела, а может как раз старалась, чтобы сгорело всё наверняка. В таком пекле невозможно понять, кто из "брандмейстеров" действительно старается, а кто имитирует усердие. Кругом саботаж...

Машина Лёхлера везла Клару домой. Она размышляла о том, как подступиться к шефу с вопросом о переезде на новую квартиру. Однажды предложив жить в центре, он больше не возвращался к этому вопросу. Свекровь понимала, что без работы на оккупационные власти им просто было не выжить, помочь им здесь было некому. Александра Давыдовна всё сокрушалась, что не подготовилась заранее, не запасла крупы, муки, керосина. Словом всего, что можно хранить долго – засушить яблок вишен побольше. Клара её утешала: к таким испытаниям заранее никто не готовился, даже правительство.

Ничего, теперь ей положен хороший паёк, вот только взгляды соседей прожигают спину. Как бы на детях не выместили свою ненависть. Половина приятельниц свекрови "не узнавала" Давыдовну. Переезжать в центр города, где хозяйничали фашисты и их прихлебатели, было и безопаснее и ближе к работе. Вот только соседство со всей этой публикой не радовало.

Но оставаться было ещё страшнее. По ночам Клара вскакивала от кошмаров – снилось, что домик свекрови подожгли, а дверь подперли снаружи. Запах гари висел над окра-

инами, туда свозили всё, что не подлежало ремонту и жгли. Немцы организовали разбор завалов и ремонт дорог.

Именно этим и руководил её шеф. Его перевели сюда из полевой жандармерии после истории с гибелью паспортиста. Дорожная жандармерия была ниже по статусу, зато более спокойная, не надо было отлавливать диверсантов и дезертиров, вместе с карателями жечь деревни.

Однажды, в порыве откровенности, подвыпивший Отто Лёхлер признался Кларе:

– Меня вполне устраивает этот захудалый, зато тихий Павлоград, определенно лучше, чем фронт.

Главное – обеспечить ремонт и уход за дорожным покрытием, поддерживать приемлемое для успешного передвижения вермахта состояние дорожного полотна в зоне вязкого глинозема. Задача хлопотная, особенно осенью требующая постоянного контроля. У этих славян никакого понятия о нормальной дороге. Дикари!

В ведении дорожной жандармерии было несколько опорных пунктов: село Кочережки, Межиричи... Одни обеспечивали ремонт профилировки после дождей или продвижения тяжелой техники. Богдановка обеспечивала подвоз песка и щебня. В Межиричах собирали инструменты, уцелевшие на складах и у местных. Склады Тодта, совсем недавно организованные в Павлограде, пока не могли обеспечить необходи-

мое – поставки из Германии задерживались. Сейчас главное – победное продвижение армии. Но парадокс был в том, что именно от состояния дорог не в последнюю очередь зависело это продвижение.

Глава 17

сентябрь 1942

Вебер

В один из сентябрьских дней к Веберу, заехал следовавший в свою часть из госпиталя земляк. Когда они сели выпить по-приятельски, тот рассказал об услышанные от соседа по палате интересные подробности организации лагеря Освенцим. Это был – первый лагерь, доказавший прибыльность использования бесплатных рабов.

Концерны платили Главному административно-хозяйственному управлению СС 3 марки в день за каждого взрослого и 1,5 марки за несовершеннолетнего узника. Фашистские бонзы, в ведении которых находился лагерьный "конвейер смерти" получали немислимые доходы. Расходы на содержание узников в лагерях составляло менее марки на человека. Вся разница шла в карман ээсовцев. Фантастические

возможности обогащения!

Когда земляк озвучил потрясенному Веберу эти цифры, у начальника лагеря загорелись глаза. "Да-а, вот это размах! А он собирает жалкие кольца и редкие крестики среди красных безбожников".

По инструкции все более-менее ценное изымали у пленных, составляли опись и сдавали в распоряжение экономического отдела управления лагерей.

Концлагеря сдавали золото по приказу Гиммлера на нужды вермахта дважды в год: 1 апреля и 1 октября.

Коменданты лагерей присваивали часть собранного золота, за деньги продавали заключенных предпринимателям, фиктивно оформляя их, как умерших. Через лавочников пускали в оборот продукты, лекарства, предназначенные для пленных.

Манфред Генрихович, вызванный для ежедневного рапорта к Веберу, заметил у незнакомого немецкого офицера характерный румянец, несмотря на погожий день. Набравшись смелости, спросил: "Не бывает ли у гостя утренних приступов кашля".

То ли грамотная немецкая речь, то ли искренняя обеспокоенность, звучавшая в голосе врача, расположили к себе земляка Вебера, и тот признался, что да, кашель по утрам донимает. Oberarzt уточнил, когда мужчина последний раз делал флюорографию и услышал, что недавно, но снимок

ничего не показал. Манфред попросил принести, но снимка не оказалось с собой. Заинтересованный разговором Вебер, проявляя радушие, предложил организовать флюорографию в городской больнице, обслуживающей немецкий госпиталь.

Так и сделали, каково же было удивление немецкого фтизиатра, когда Манфред Генрихович указал ему на характерные изменения в лёгких, ошибочно принятые за последствия курения. Проведённый тест на реакцию Манту, подтвердил опасения, и офицер проникся уважением к профессионалу из лагеря. Немецкий коллега оказался порядочным человеком, лишенным предрассудков, и стал приглашать oberarzt Манфреда, с позволения Вебера, на консультации в спорных случаях. Это было огромным достижением! Пусть изредка, пусть под конвоем, но Манфред мог выходить из лагеря. Как правило, возвращался с гостинцем. Пожилой фтизиатр пытался поддержать коллегу, не все немцы были нацистами.

Пришлось даже однажды оказать экстренную медицинскую помощь интенданту итальянского гарнизона в связи с угрозой перитонита. Полковой хирург отлучился из города, и фтизиатр посоветовал итальянцу довериться обер-арцту.

Официально статус фольксдойче Манфред получить не мог, нужны были документы, подтверждающие происхождение. Однако после спасения итальянского офицера двоих конвоиров заменили одним.

Мужья

Как то утром, врач и Надя стали свидетелями какого-то средневекового ритуала. На лагерный плац выгнали всех заключенных, но не для распределения на работы, как обычно, а заставили стоять смиренно. Среди них прохаживались несколько добротнo одетых мужчин, подходили к заинтересовавшему узнику, жестом приказывали открыть рот, повернуться, поднять руки, спрашивали через переводчика о профессии.

Мольтке курил на крыльце ревира, невозмутимо шурился на осеннее солнце. Манфред спросил его: кто эти люди.

– Работодатели, приехали выбрать остарбайтеров.

Фельдшер не видел в этом никакого противоречия со сформированной пропагандой Геббельса картиной мироустройства. Оказалось, работодатели за каждого остарбайтера платили Веберу, как за скот.

Надя тихо шептала проклятия, глядя на унижение чело-

веческого достоинства. Манфред незаметно прижал ладонь к её горячей щеке:

– Тише, девочка!

В присутствии Мольтке обер-арцт напускал на себя строгий вид и старался говорить по-немецки. Мольтке считал, что они, как врачи, должны держать дистанцию с пленными.

Мысль о том, что Вебер корыстен до судорог, навела Манфреда на мысль предложить самому коменданту «продавать» пленных местным женщинам под видом найденных мужей или родственников. Это называлось «отпустить к семье» в обмен на расписку «жены» и мзду. Такое практиковалось во многих лагерях. Охрана «приторговывала» понемногу, опасаясь коменданта.

Обер-арцт уверял Вебера, что так они могут избавиться от самых истощенных и их не придется закапывать. Именно закапывать, а не хоронить. Такими "женами" стали подпольщицы Галина Алексеева, Лидия Денисовна Панина, Марта Медведева, Анна Куриленко.

Под видом найденных мужей были спасены Иван Носач, Андрей Нестеренко, Петренко Сергей и многие другие, ставшие позднее опорой Клары в отряде дорожной жандармерии.

Клара в DULAG 111

Обильные дожди размыли дороги. Местные жители, согнанные из ближайших сел, не успевали ровнять профилировку, колеи, проложенные тяжёлой техникой, быстро заполнялись водой. Чернозём превращался в вязкую жижу, поглощавшую свежее подсыпанный щебень без следа. Переполненные кюветы не могли отводить воду.

Лёхлера уже предупредили о возможности отправиться на фронт, если не обеспечит качественное состояние дорог. Вот Лёхлер и решил набрать рабочих из военнопленных, а для поездки в лагерь взял с собой Клару.

Пауль Вебер встретил начальника дорожной жандармерии приветливо:

– Какие новости? У тебя симпатичная переводчица?

– Эти русские свиньи совершенно не умеют строить дороги. Как не втолковываю, что середина должна быть выше

обочин... , – брезгливо махнул рукой толстяк.

Вебер разглядывал из окна Клару, сидящую в машине. Повернулся к Лёхлеру и кивком головы в её сторону – предложил продолжить.

– Ах, эта! – пропыхтел Лёхлер, – фольксдойче из местных. Родители немецкие колонисты из Фридрихсфельда.

– Старательная?

– В общем, да. Практически трудится за меня, пока посылаю на проверки второстепенных дорог.

– У меня здесь тоже врач из немцев, пока доволен, – похвастался Вебер.

– Хочу отобрать у тебя покрепче из доходяг, укрепить профилировку. Идёт спешная переброска войск, а дороги развезло.

– Ну что же, – покровительственно произнес Пауль, – мы – немцы должны помогать друг другу, не так ли? Но сначала предлагаю провести небольшую акцию устрашения, чтобы простимулировать отобранных тобой. Заодно посмотрим на реакцию местной, – зловеще закончил он.

Отто Лёхлер не жаловал подобные развлечения, но спасовать пред Вебером не хотелось. На плацу построили всех, кто мог держать лопату. Толстяк вздохнул, придется компенсировать количеством. Вебер, оскалась, предложил Лёхлеру "подравнять строй" из пистолета.

Услышав выстрелы, Клара окаменела. Широко раскрыв глаза, смотрела на шефа. Обер-штурмфюрер опустил пистолет и поманил подчиненную пальцем. Шофер распахнул дверцу и помог выбраться из машины. Эти несколько секунд позволили Кларе собраться с духом и четким шагом пройти по плацу.

– Переведите! В лагерные бараки вернутся только те, кто старательно будет трудиться на дорожных работах, остальные сдохнут в кюветах.

Пленные мрачно смотрели на стройную фигуру Клары в немецкой форме.

"Ни лицом, ни интонацией я не должна показать своё сочувствие к этим несчастным... Четко и бесстрастно... Четко и бесстрастно", – мысленно приговаривала Клара, правая рука сжала край кителя до побелевших костяшек. Фашисты тоже наблюдали за женщиной: Лёхлер с покровительственным выражением лица, Вебер – с хищным прищуром.

Такой Клару впервые увидел Манфред Генрихович, стоял

в тени крыльца ревира и думал: "Что заставило эту, так хорошо говорящую по-русски женщину, служить фашистам?" – зная по себе, как его служба в ревире выглядит в глазах узников, он не спешил причислить Клару к приспешникам фашистов. Слишком мало информации.

Клара разогрела детям еду. Сама есть не могла, устало прижала ладони к лицу. Перед глазами стояла шеренга узников.

"И эти люди считают себя носителями европейской цивилизации. Какой несусветной чушью забиты их головы, первобытной жестокостью. Бедный дед. Он рассказывал мне, как развита немецкая культура, читал наизусть Гейнэ. Воображение идеализировало далекую Германию.

Когда я однажды спросила, почему же мы живём вдали от нашего народа, дед вздохнул и ответил: "Это был выбор наших предков. Твой отец хотел вернуться, но не смог уговорить мою дочь".

Только теперь я понимаю причины этого выбора: от хорошей жизни не уезжают. Дикое мракобесие – расовая теория

– выплеснулась за пределы рейха. Мне впервые так стыдно, что я немка, нужно искупить вину перед этими несчастными.

Пётр прав, у меня получится.

Глава 18

Блок-фюреры или блок-эльтеры – старшие по бараку, назначались, как правило, из тех, кто успел выслужиться перед надзирателями, получали дополнительный паёк и выменивали, а то и просто отнимали, у новеньких уцелевшие при обыске вещицы: монеты, крестики, образки, изредка часы и обручальные кольца.

Со времён концлагерей, устроенных фашистами ещё в Германии и захваченной Европе, лагерное начальство опиралось на узников, готовых на всё ради дополнительной пайки и желания возвыситься даже в условиях заключения над другими. Из таких формировали внутреннюю систему надзора – капо. Эти "добровольцы" носили на левом рукаве специальную повязку, чаще всего жёлтого цвета и делились по уровню полномочий: лагер-эльтеры, блок-эльтеры, штаб-бен-эльтеры.

Один из таких блок-эльтеров получил ночью заточкой в бок. Рано утром перед построением обер-артц делал обход,

чтобы перенести умерших за ночь. Эзинг увидел кровь на одеяле блок-фюрера и понял – расправа над обитателями барака неминуема. Быстро распорядился перенести в операционную, пока надзиратель отвлекся в другом конце барака. С помощью Нади прочистил рану и наложил швы. К счастью, заточка уперлась в ребро и ничего жизненно важного не повредила. У изможденных людей просто не было сил нанести глубокую рану. Манфред припугнул раненого:

– Спасу, если не станешь доносить. Иначе пострадаешь в числе остальных, если выживешь.

Прихвостень вытащил трясущимися руками из одежды золотые часы и поклялся молчать. Надзирателю сказали, что у блок-фюрера воспаление лёгких, высокая температура вписывалась в этот диагноз.

«Надо его изолировать. Придётся в тифозный барак, там его надзиратели искать не будут. Немцы брезгливы, угрозу распространения инфекции воспринимают очень серьезно».

Василий

До войны Эсси-Эзинг работал рентгенологом в детском санатории Мисхора, часто практиковал в туберкулезных санаториях, Одно время даже работал над созданием противотуберкулезной вакцины.

Нужно время всё продумать и подготовить, Надя к вечеру валится с ног. Если бы найти среди пленных ещё пару врачей или опытных фельдшеров, может поискать среди вновь прибывших, люди не признаются, боятся, что заставят участвовать в опытах. Как найти стоящих доверия?

Случай с подаренными часами навел на мысль, что у многих пленнх хранятся памятные вещи, особенно у офицеров, скрывающих звание под видом рядовых. Обычно всё мало-мальски ценное изымается при обыске или оседает в карманах надзирателей в обмен на еду. Эзинг размышлял: "А если отдать часы Веберу и намекнуть, что я не намерен обогащаться за счет узников, может Вебер поручит мне осмотр новых партий пленнх вместо жадного Мольтке. Тогда я сам смогу оставить подходящих людей в нашем лагере, а чтобы не нажать врага, пообещаю отдавать фельдшеру мелкие ценности..."

На самом деле Манфред примечал у тех, кто не смог уметь спрятать документы и офицерские книжки, а избавился лишь от знаков различия на гимнастерках. Просил Надю тихонько запоминать командиров и "не замечать" спрятанные в белье удостоверения Особенно присматривался, выискивая нашивки медицинских служб. Ещё летом одного из об-

наруженных раненых медиков, Василия Ковальчука обер-арцт пристроил старшим в хирургический барак, стал приглядываться к нему сам и поручил Наде.

В одном из боёв у речки Псёл, под Верхней Мануйловкой, Василий был контужен и в бессознательном состоянии попал в руки полевой жандармерии. В Кременчугском лагере военфельдшер Ковальчук испытал на себе все муки фашистского ада.

Медсестра Надя, якобы случайно "допустила оплошность" делая перевязку практически затянувшейся раны молоденькому солдату. Если бы пленный Ковальчук хотел выслужиться, то непременно воспользовался бы этим. Сначала отворачивался, упорно не замечая Надиных "промашек", потом улучил момент и тихо предостерёг медсестру не рисковать понапрасну.

– Наш человек Василий, – поделилась наблюдениями Надя, – не сдаст.

Постепенно врач проникся доверием к Василию Дмитриевичу, команда единомышленников стала формироваться.

Арест Чумака

После пожара на нефтебазе город притих. Люди и так старались не появляться на улице, даже очередь на Бирже труда скукожилась. Горожане предпочитали не попадаться на глаза рыскающим по улицам полицаям и наугад хватающим людей.

Арест Степана Чумака стал полной неожиданностью.

Клара и ожидала, и боялась вызова в гестапо, понимала – найти реальных поджигателей сложно, поэтому выберут "козлов отпущения", чтобы отрапортовать наверх и отвести от себя гнев командования. Обычная практика, и не только в гестапо. Нельзя допустить, чтобы выбор пал на людей из её отряда, ведь у жандармов больше возможностей проникнуть на нефтебазу, а рапорт о раскрытии диверсии должен выглядеть убедительно.

Начальник гестапо фон Экке раньше всегда здоровался с Klarой, хотя и не уважал Лёхлера. Возможно, ему просто приятно было видеть её подтянутую, статную фигуру в немецкой форме, с золотым венком из кос под пилоткой. Теперь едва замечал.

Хайнеман уже предупреждал Клару о слезке за ней.

"Вот только в чём цель этого предупреждения? – в который раз в поисках ответа женщина перебирала варианты. – Хотел увидеть испуг? Просто наобум сказал, чтобы прощупать реакцию?" – мысленно пыталась себя представить в шкуре фашиста и посмотреть на себя его глазами. – Или за мной, в самом деле, следят? Поэтому начали с ареста Чумак? Ведь знают, что он мой заместитель... как себя вести? Расплакаться, как женщина или возмутиться и дать волю гневу, как человек, не признающий за собой вины и оскорбленный в лучших чувствах? Иногда такая наглость сбивает с толку... Женщина, закатившая скандал, также естественна, как и плачущая... совместить? – Клара тряхнула головой, – в любом случае, отсутствие эмоций с её стороны выглядит слишком уж по-мужски".

По пути в гестапо Клара собрала всё самообладание, чтобы возмущение, гнев, а затем и, логичные после такой обиды, слёзы выглядели естественно. "Драматический театр, – со злой иронией покачала головой, – вот только фальшь слишком дорого будет стоить. Надо сыграть обиду и возмущение, так же, как перед Хайнеманом. Может причина вызова – новый донос от уволенных? Поэтому схватили Степана... доносы о коммунистах и командирах в её отряде недоказуемы. Я должна нападать, а не защищаться, – приняла

окончательное решение. – Как с бродячими собаками".

Штурмбанфюрер, как и ожидалось, не предложил ей сесть.

Взгляд Клары сверкал от возмущения и готовых прорваться злых слёз:

– Фюрер призывает всех немцев к единству, к сплочению нации! А вы?! Вы что, не согласны с фюрером?

– Ого! Не забываетесь фрау... как вас там. Мы делаем свою работу.

– Вот и давайте делать нашу работу на благо Великой Германии. У меня и так каждый человек на вес золота. Я отобрала самых надежных! Именно их преданность обеспечивает идеальное содержание коммуникаций! Охрана нефтебазы не входит в круг обязанностей моих людей. Не пытайтесь свалить на моих бойцов просчеты других!

– Пылкая речь, – процедил с сарказмом Экке, – да вы не шеф жандармов, просто "мать-генеральша".

– Да, – парировала Клара, – и как любая немецкая мать, дорожу своими детьми.

Это прозвучало двусмысленно, ведь эти гады помнят о её

детях. "Пусть! У каждого из этих тварей есть мать", – Клара не позволила себе опустить взгляд.

То ли пылкость молодой женщины, то ли действительно, упоминание о матери – качнуло весы сомнений гестаповца в её пользу. А может простая циничная логика: пока она на своём месте обеспечивает качество и безопасность дорог, лучше оставить, как есть – меньше головной боли в зоне его ответственности перед руководством.

– Надеюсь, мой заместитель вскоре сможет приступить к своим обязанностям? – уже гораздо спокойнее, но с достоинством произнесла Клара.

– Можете идти, фрау Таблер! Но помните! Вы подписали документ о том, что в вашем отряде нет, и не будет коммунистов, евреев, комиссаров и командиров. Иначе вас повесят вместе с ними, – костлявый палец был направлен к её переносице. – Думайте почаще о ваших крошках, – оскалился штурмбанфюрер.

Выбросив руку в фашистском приветствии, Клара вышла. Уже в коридоре почувствовала, как мелко дрожат подколенные связки: "Что я делаю... мне нужна не просто помощница, чтобы присмотреть за детьми – нужна надежная женщина, которая сможет увести и спрятать детей, если я не смогу отбиться в следующий раз. Это неотложно. Пётр должен

понять".

Провокация

В целом Лёхлер был доволен своей сотрудницей, расширял список её обязанностей, всё реже пытался устраивать проверки. Ему нравилось, что аккуратная подтянутая Клара не задает лишних вопросов, чётко выполняет все поручения. Он стал брать её с собой во время визитов к Веберу, чаще всего, оставляя в машине, зато это давало Кларе возможность наблюдать и запоминать.

Пётр показал ей некоторые приёмы запоминания информации, записывать запретил. Но испытания продолжались. Наблюдая за реакцией Клары во время расстрела пленных весной, Вебер не оставил намерения устроить фразу новое испытание. Это развлекало в рутине лагерной жизни.

Лёхлер старался поддерживать с Вебером хорошие отношения, от него зависело, сколько пленных и каких удастся

получить для дорожных работ.

На этот раз, потягивая в кресле коньяк, Вебер предложил Лёхлеру устроить "спектакль". Он был уверен, что обер-штурмфюрер тоже скучает в этой глуши. Суть была в следующем. На днях комендант пообещал отпуск одному из охранников итальянцев, но взамен приказал изобразить дезертира во время следующего визита Лехлера с переводчицей. Итальянца должны были привести на "допрос" в кабинет к Веберу, когда там будет обер-штурмфюрер Лёхлер в сопровождении Клары.

Клара почувствовала тревогу, когда шеф внезапно вернулся за ней к машине и приказал следовать за собой. В кабинете у коменданта им предложили кофе. Вдруг тишину за дверью нарушили крики и топот. Охранники грубо втокнули в кабинет итальянца без ремня и пилотки. Итальянец кричал, что он хочет домой. Ему обещали "молниеносную войну", а после пережитой зимы он не хочет околевать в этой проклятой стране. Всё это сопровождалось бурной жестикуляцией, так свойственной темпераментным жителям Апеннинского полуострова. Внезапно итальянец схватил лежавший на столе пистолет и выстрелил в холст, изображавший орла со свастикой, висевшего на стене за креслом Вебера.

Итальянца скрутили и выволокли из кабинета. Лёхлер, предупреждённый заранее, спокойно поднял простреленную картину, посмотрел на свет дыру от пули и сказал:

– Хорошо, что этот макаронник не вздумал выстрелить в нас.

Наблюдательная Клара как-то заметила, что внезапный испуг провоцирует у астматика-шефа приступ удушья. Обер-штурмфюрер потеет, ловит ртом воздух. Но не в этот раз. Лёхлер стер платком, якобы выступивший, пот с абсолютно сухого лба, а дышал при этом ровно и спокойно. Это было похоже на подставу.

Вебер плеснул себе и гостю коньяк, мужчины выпили, закуриив сигару, комендант вышел на крыльцо вместе с шефом жандармов, памятуя отвращение Лёхлера к табачному дыму в закрытом помещении.

"Что я должна сделать в такой ситуации? Просто ждать? – размышляла Клара, – меня явно проверяют, оставили одну в кабинете... А если смысл проверки не в этом? В чём? Какую реакцию от меня ждут?"

"Ты – немецкая мать..." – Клара вспомнила голос Петра. – Что делает немецкая мать..."

Таблер взяла картину и вышла в приёмную. Дверь на крыльцо была приоткрыта. В приёмной Клара попросила у адъютанта клей и ножницы. Аккуратно приклеила с обратной стороны холста кусочек ткани, пожертвовала своим носовым платком, расправила края отверстия и протерла

остатками платка. Удивленный адъютант молча наблюдал за её работой.

Тест на патриотизм и верность символам Великой Германии был пройден. Лёхлер с долей сарказма осознал, что ему это даже льстит, он приказал шоферу доставить помощницу прямо к ней домой.

Внезапное появление в переулках Хуторов черного опеля вызвало у жителей смятение, а у Петра тревогу. Но шофёр быстро уехал, Клара сняла ненавистный мундир и прошмыгнула к вишне.

– Всё хорошо, – тихо посмеиваясь, она рассказала майору о "реставрации" в приёмной коменданта лагеря. Смешок был нервный, и Пётр Онуфриевич прижал её голову к плечу, успокаивая:

– Тихо, девочка, тихо, ты молодец.

Успокоившись, Клара прошептала: – Твой психологический приём работает.

– Знаешь, мне недавно рассказали о крайне находчивом старосте из села Андреевка. Есть такой Григорий Антонович, наш человек! Вот так же, как и ты, служит немцам по заданию подполья. Когда заготовители вермахта пытались расстрелять его за недопоставки продовольствия, знаешь, что

сделал старик?

– Что?

– Рванул воротник рубахи и сунул им под нос медальон с портретом фюрера!

– К-ха ... – только и смогла изумленно выдохнуть Клара.

– Где только раздобыл... – восхищенно покачал головой майор.

Староста Григорий Антонович Поплавский много раз прятал у себя Сташкова Николая Ивановича, выхаживал его вместе со своей женой во время обострений туберкулёза.

октябрь 1942

Переезд Клары

С наступлением холодов Лёхлер распорядился подыскать для своей помощницы жильё поближе к центру, Клара была ему симпатична. Всегда собранная, сдержанная, она, пожалуй, достойна жить в лучших условиях, чем халупа на окраине, хотя бы потому, что принадлежит к избранной расе.

К тому же, лучше пусть будет ближе к комендатуре, да и контролировать её здесь в центре легче..." – признаться себе, что вдали от истинных аристократов, заскучал по приятным женским, лицам Лехлер не хотел.

Несколько добротных старинных особнячков в центре, на бывшей Шалинской улице, остались ещё с дореволюционных времен. Когда-то здесь жили семьи зажиточных еврейских фабрикантов и купцов.

Ситценабивная мануфактура, построенная Еромицким и Венгеровским, называлась "Фабрика немецких кубовых ситцев" выпускала хлопковую ткань "1-й доброты" (как писали на ярлыках тех времен) и настолько процветала, что могла себе позволить работать лишь в зимнее время, когда местное население было свободно от садово-огородных забот и охотно трудилось над производством ситца. На лето фабри-

ка останавливалась, а хозяева уезжали в заграничный вояж.

После революции особняки реквизировали для семей военных и сотрудников наркоматов. Некоторые образцы старой архитектуры были заняты советскими учреждениями и вот теперь снова опустели.

Кларе здесь будет безопаснее, да и лучше, чтобы она была под рукой, если срочно понадобится в комендатуре.

Вот только детям от этого никак не лучше. У свекрови Клара могла не волноваться за малышей, даже задерживаясь на службе. А теперь дети были предоставлены сами себе. Виктор-младший родился в 1935 и теперь должен был присматривать за сестренками. Найти толковую помощницу никак не удавалось – никто из женщин не хотел идти к фрау "немецкой овчарке". Виктора мальчишки дразнили "немчурой", уже не раз доходило до стычек.

Клара мысленно вернулась к словам Петра:

– Когда всё это закончится, мы сможем без страха выходить на улицу и быть собой.

" А ведь я раньше всегда была собой и не задумывалась, какое это простое, такое повседневное счастье. Мне казалось, что счастье где-то там – впереди, вот закончатся все эти трудности, голод, нехватка самых обычных вещей – и мы будем счастливыми людьми. Теперь только ясно: именно тогда

и было счастье – мои родные были со мной, мирная жизнь. Остались лишь дети, что их ждёт? Судьба стать следующим поколением рабов Третьего рейха... Удостоверение фольксдойче не делает меня равной "чистым арийцам". В этом адском мироустройстве моя рабская цепь лишь немного длиннее, а подачки лишь немного сытнее. Как устроен мир, рожденный в безумных мозгах "сверхчеловека" пропаганда доходчиво обрисовала. Вот только, кто звал их сюда насаждать эти чудовищные правила...

Вдруг вспомнилась, как утешение, цитата из Марка Твена: "Быть хорошим для всех – вот, что изнашивает человека". А ведь, правда. Давно, ещё в период преподавания в трудовой коммуне, ей показалась эта фраза близкой её душевному состоянию. Немецких детей воспитывают в строгом послушании. В детстве я ждала одобрения родителей, потом мужа. Это мешает быть собой, особенно с её-то характером. Старик Твен прав – на всех не угодишь..."

Глава 19

ноябрь 1942

Назначение Клары

Чаще всего на ремонт дороги стогнали жителей окрестных деревень, иногда тех, кто сам нанимался через Биржу. Однако с наступлением холодов всё чаще на дорожные работы пригоняли заключенных. Измученные раздетые люди с трудом передвигались по ледяной жиже, многие не доживали до вечера.

Кларе весь этот ад напоминал рассказы учителя истории о строительстве железных дорог в Российской империи в прежние времена. Было мучительно от невозможности помочь несчастным. Ещё горше читать во взглядах их неприкрытую ненависть, даже брезгливость.

От жалости к пленным и глухой ярости к фашистам сво-

дило скулы. Казалось, ненависть Клары к одышливому шефу трансформировалась для него в реальную болезнь. С наступлением холодов его замучили отеки. Проблемы с почками и астма всё чаще укладывали шефа жандармов в постель, а фрау Таблер приходилось его замещать в комендатуре и на ремонтных работах.

Врач из немецкого госпиталя настойчиво рекомендовал Отто вернуться в привычный климат родных Альп. Возник вопрос о том, кто его заменит.

Хайнеман в очередной раз приехал из Кривого Рога с инспекцией. Выслушал вялую речь, лежавшего на подушках Лёхлера, и снова подумал о кандидатуре Клары Таблер:

"А что? Местную специфику она знает, и явно лучше, чем новый назначенец, присланный из рейхс-комиссариата "Остланд". Поэтому её труднее обмануть, да и местные к ней привыкли. Опять же, она лучше понимает, кому из них можно доверить работу, а кто завалит всё дело. Не дай Бог, возникнут проблемы с передвижением техники. А за такое, в первую очередь, по шее дадут ему, Хайнеману, а не рабам рейха.

А она – ничего, женщина с головой. Последнее время Лёхлер и так всю работу свалил на неё. Даже не придётся вводить в курс".

Успокоившись на этот счёт, Хайнеман предложил от-

праздновать Кларе будущее назначение. После выпитого вина, как-то оттаял, стал жаловаться на проблемы с партизанскими бандами. Он быстро хмелел. Доверительно сообщил, чуть склонившись над Кларой:

– Эти твари обнаглели, чуть не пострадал сам Гебитско-миссар Кривого Рога. Вы должны быть осторожны. Хотите под мою защиту? Я найду, чем вас ... занять.

– Нет, благодарю вас, здесь пока спокойно, никаких нападений, я давно знаю этот город.

– А листовки? – Хайнеман зло прищурился, – говорят, после ликвидации подпольщиков в Днепропетровске, уцелевшие прячутся здесь, – он постучал пальцем по столу, – спокойствие обманчиво, фрау Таблер!

декабрь 1942

Бланки

Для легализации спасенных из плена подходили разные виды документов: справки, бланки аусвайсов немецкого образца, временные удостоверения оккупационных властей, выданные ортс-комендатурой.

Даже несколько украденных бланков могли навлечь на Клару подозрения, при этом несколько штук не решали проблемы. Подделать их было сложно – специальная бумага, тиснение, печати. А вот сделать копии справок уже было реально. На эту мысль Клару навела справка, которую ей предъявил некий Фролов, направленный от Биржи труда. Из лагеря его вытащили с помощью "свежеобретённых родственников" за отрез сукна и часы. Очевидно, кто-то из приютившей его семьи трудился в усадьбе Циммермана или в оранжереях и смог оформить такую справку:

"Фролов Павел, освобожден из фильтрационного лагеря и направляется на работу по месту жительства".

Самое удивительное, что этот документ был заверен печатью и подписью самого Гебитскомиссара. Узнать подробности у Павла не удалось, очевидно "родственник" понимал, что снова выпросить такую справку не удастся и просил Фро-

лова "не трепаться". Настаивать было рискованно.

Клара выдала новичку удостоверение дорожной жандармерии, а справку оставила в личном деле. Пётр Онуфриевич изучил справку и решил, что попробовать изготовить такую же можно. Подпольщики из типографии сделают клише, специалист по печатям у них уже был, а подписи, как ни удивительно, превосходно умел подделывать сам майор. Помогло знание немецкой грамматики и четкая каллиграфия автографа Циммермана. Пётр даже пошутил по этому поводу:

– Наверняка Циммерман был старательным учеником в детстве, – и мрачно добавил, – жаль, что маленьким не умер.

Таких справок сделали несколько десятков. Больше было опасно – город тесен. Ими снабжали "умерших" и выкупленных "родственниками". Но этого было явно мало. Из-за тотального обнищания непросто было находить людей, готовых принять у себя бедолаг из лагеря. В окрестных деревнях было легче прокормиться и спрятаться, тем более, что мужчины не собирались сидеть иждивенцами. Оклемавшись от истощения, занимались крестьянским трудом, заменяли ушедших на фронт, устраивались через Биржу труда в мастерские, ведь у многих были рабочие профессии, самые отчаянные уходили к линии фронта.

Многих смогла поднять Мария Стовбун, работавшая на

молокозаводе, с помощью молочной сыворотки, которую тайком приносила истощенным.

ноябрь 1942

Без Лёхлера

Клара понимала, что рано или поздно ей снова предстоит проверка, и новая встреча с шефом Павлоградского гестапо – вопрос времени.

Шофёр Отто показывал его Кларе издали ещё весной, когда вёз из комендатуры. Худой, жилистый, форменная фуражка с черепом высоко торчала над кожаным воротником. "Индюк" – мысленно припечатала тогда Клара по своей давней привычке давать прозвища.

И вот теперь этот "Индюк" пил кофе в кабинете Лёхлера.

Клара остановилась у порога, вопросительно посмотрела на Лёхлера.

– Прошу вас фрау Таблер. Это штурмбанфюрер Курт фон Экке, – приглашающим жестом Отто Лёхлер указал помощнице на ковер перед своим столом.

– Клара Таблер, – уверенно представилась переводчица и подошла ближе к столу, – я была у вас на приёме после ареста моего заместителя.

Экке сидя рассматривал её, светлые глаза не выражали ничего, лишь намёк на любопытство. Смакуя кофе, он вкрадчиво произнёс:

– Помню. Наслышан, после подброшенной вам записки с угрозами, у меня бы-ыл повод интересоваться вами, – Курт сделал паузу, предвкушая реакцию на свои слова, не найдя во взгляде женщины ожидаемого смятения, откинулся на спинку кресла.

Клара мысленно приказала себе включить "арийскую мать". С бесконечным терпением во взгляде твердо сказала:

– Я готова отправиться на фронт. Прошу лишь об одном: мои дети должны быть воспитаны в рейхе. Мне известно о программе Lebensborn. Я могу надеяться, что их воспитают в пансионе для арийских детей? В любви и гордости за Великую Германию.

[Проект Lebensborn "Источник жизни" в переводе с немецкого. Независимую организацию Lebensborn официально зарегистрировали в декабре 1935 года].

Экке помолчал, считая себя мастером психологического воздействия на собеседников, держал паузу, затем с громким стуком поставил кофейную чашку на блюдце.

– Нет фрау! Вы нужны здесь! Примите дела у герра Лёхлера! Временно назначаетесь исполняющей обязанности командира 134-й Украинского добровольческого батальона охранной дорожной жандармерии.

Пока не пришлют офицера вермахта.

За вами не замечено никаких проступков в работе. Герр Лёхлер дал вам весьма положительную рекомендацию и заверил, что вы вникли во все тонкости. Но знайте, вам придётся дать подписку! Как только в отряде окажется хоть один красный командир или коммунист, вас немедленно расстреляют вместе с ним. Думайте о ваших крошках, фрау!

– Спасибо за доверие герр штурмбанфюрер! Это честь для меня. Я выросла среди русских и, смею надеяться, смогу отличить лояльного рейху человека от коммуниста, – подумала: "Знал бы ты Индюк..." Эта мысль зажгла искорку во взгляде Клары, которую Экке принял за восторг энтузиазма фольксдойче, получившей признание истинных арийцев.

– Хайль! – небрежно вскинул руку штурмбанфюрер и открыл папку.

– Милая фрау Клара. Я горд, что смог воспитать в вас замену себе. И рад, что наконец-то уеду на родину. Альпийский воздух творит чудеса, – белесые ресницы теперь уже бывшего шефа дрогнули. – Помните, герр Хайнеман придет с инспекцией, будьте готовы к этому, не ударьте лицом в грязь.

Начальник СД и полиции штурмбанфюрер Курт фон Экке вручил Кларе на подпись обязательство о том, что лица, не соответствующие условиям службы, не будут зачислены в 134-й батальон охранной дорожной жандармерии, а именно: коммунисты, командиры Красной Армии, комсомольцы, евреи. Личная подпись фрау Таблер под этим документом являлась, по сути, смертельным приговором для неё в случае обнаружения подобных лиц в её подразделении.

На самом деле, эта процедура нужна была Экке, что отследить реакцию этой, интригующей его, фрау.

Это означало, что теперь вся ответственность за работу дорожной жандармерии ложится на её плечи. Лёхлер уехал.

Теперь Клара, наконец, могла приступить к постепенной замене жандармов на людей из подполья: безжалостно увольняла за пьянство, за некачественно отремонтированные рабочими участки дороги.

Удостоверения дорожной жандармерии, настоящие, выданные майором фон Экке и заверенные Хайнеманом, позволяли легально носить оружие.

Отряд жандармерии стал реальной ударной группой из легализованных "умерших" узников лагеря.

В целях конспирации Прибер не раскрывал Эззи-Эзингу роль Клары в создании отряда. В свою очередь, и Клара не знала подробностей деятельности oberarzt. Эти люди под страхом смерти спасали жизни советских людей от "этнических братьев".

Клару тревожили внезапные визиты Хайнемана, на её участке не было никаких проблем, подконтрольные 134-му батальону дороги считались одними из самых безопасных и ухоженных. Взамен уволенных, Клара приняла на службу спасенных из концлагеря и, до поры прятавшихся у подпольщиков, офицеров и красноармейцев, снабжённых новыми документами, якобы бывших раскулаченных и репрессированных дезертиров. Дисциплину в отряде жандармерии подпольщики подняли на небывалый уровень. Их задачей было

помочь фрау Таблер доказать Хайнеману, что её не зря назначили и, тем самым, упрочить репутацию Клары. Её люди контролировали профилировку, ведущую в Синельниково.

Клара давно чувствовала со стороны Хайнемана интерес к себе, смешанный с недоверием и чисто мужским сомнением. Его взгляд всегда был наглым и, казалось, на дне его глаз притаилось какое-то ожидание. Вот только чего? Просчёта в работе? Или женского кокетства перед "арийским самцом"? Клара встречала очередной визит начальника Фельдкомендатуры с ожиданием провокации. Это не рыхлый ленивый Лёхлер. Хайнеман – хищник.

Вскоре, её непосредственный куратор – начальник Фельдкомендатуры – Управления дорожной жандармерии Кривого Рога – Хайнеман приехал передать фрау Таблер дела.

Фашисты не признавали административного деления Советов и распределяли территориальное подчинение по-своему.

[Оккупированные украинские области вошли в состав рейхс-комиссариата "Украина" и были разделены на шесть "Генеральных округов", в числе которых был "Генеральный округ Днепропетровск" – занимавший часть территории Запорожья и Днепропетровщину].

Тем неожиданней прозвучало в этот раз его предупре-

ждение о слезке за ней.

"Как реагировать? – щёки вспыхнули, – изобразить удивление?... Возмущение? Непонимание?" – Клара молчала, держала паузу. Она – выдержанная, собранная арийская женщина, безупречная службистка, доказавшая свою преданность. "Или нужны новые доказательства? Может сейчас самая естественная реакция включить "обиженную женщину"? – глаза Таблер заблестели от навернувшихся слез:

– За что? Разве мало я сделала для рейха? Вы думаете легко мне управляться со всем этим тупым мужичьём? Добиваться идеального состояния дорог?

– Ну что вы, фрау Таблер, я неудачно выразился. Я имел в виду, что к вам проявляют пристальное внимание, не каждому фольксдойче оказывают такое доверие. Вы – уникальная женщина на мужской должности.

– Я и так не обижена вниманием жителей города, постоянно ловлю на себе взгляды, источающие ненависть. А те, кого я уволила и лишила пайка? Думаете, они мне благодарны?

– Успокойтесь, лучше выпьем. Криворожский самогон сварен специально для меня. Вам нужно выпить.

– Да... – Клара невероятным усилием загнала внутрь ис-

терический смех: Хайнеман понятия не имеет, какую несуразицу произнес, потому что не знает дословного перевода "криворожский самогон" – самогон превращающий лицо в кривую рожу.

– Я понимаю, какая вы заноза для многих, в том числе и лично обиженных вами.

– А как иначе добиться подчинения и качества в работе?

– Да, видимо эти люди и написали на вас новый донос.

– Как?.. В чём суть доноса? – от самогона потемнело в глазах, стало душно. – Это зависть, – Клара решила подключить ударивший хмель в игру, пьяно дернула головой, – мне все завидуют. За то, что не боюсь, за то, что служу рейху и пользуюсь доверием и привилегиями фольксдойче! Эти плебеи, – пьяно скривилась, – даже не понимают, как с меня спросят, если я не обеспечу исправность дорожного покрытия! – Клара заговорила языком должностных инструкций.

Выяснив, в чём её обвиняет автор доноса, Клара онемела. "Как узнали?.. Кто...".

Франц Хайнеман расценил её молчание, как недоумение на слишком невероятное обвинение в том, что она берёт на службу бывших красноармейцев. С точки зрения куратора

из Кривого Рога обвинение было настолько чудовищным, что выглядело абсурдом.

Хмель постепенно отступал, Клара подумала: "Если бы не выпила, сорвалась бы". Самогон одурманил, замедлил реакции, только благодаря этому удалось сохранить невозмутимость.

Клара опустила лист с корявым почерком на стол, с тоской подумала: "Кто же написал?"

В отряде действительно появилось несколько человек, направленных подпольем. Их оформлял Чумак. Такую страховку Пётр сделал обязательной. В случае чего, Клара может отпереться, сославшись на излишнюю свою доверчивость к недавно назначенному ею заместителю, а Степану проще скрыться, чем женщине с тремя детьми. Безусловно, есть обиженные тем, что фрау приблизила к себе "высочку" Чумака.

"Интересно другое... Зачем Хайнеман показал ей этот пасквиль и начал доверительную беседу. Не дал ход доносу... пока. Расставляет ловушку? Следит за реакцией. Или, в самом деле, решил, что это банальная месть уволенных за разгильдяйство? Что же захочет за предупреждение, ведь явно рассчитывает на мою благодарность... нет, благодарить нельзя, воспримет благодарность только так, как привыкли получать женскую благодарность самцы всех времён. Значит, единственный выход – я оскорблённая в лучших чувствах арийка, жёсткая наци, никаких сантиментов".

Клара правильно рассчитала: потерять сотрудницу, благодаря которой он был избавлен от недовольства начальства хотя бы за дороги этого региона, было глупо. Фрау Таблер прикрывает его тыл на этом направлении, и плевать ему на обиды уволенных. Надменность оскорбленной фрау Таблер не располагала к флирту.

– Клара, мне жаль, что вас так расстроила эта кляуза. Я должен ехать. Будьте бдительны, большевики могут воспользоваться вашей доверчивостью. Вы даже не представляете степень человеческой подлости и низости плебеев. Я ценю вас, здесь истинно немецкий порядок.

Уже во дворе, осмотрев строй дорожных жандармов, Хайнеман прочувствованно добавил:

– Я восхищён, как вам удалось добиться такого послушания с этим сбродом!

В структуре дорожной жандармерии были не только дороги, но и склады подразделений Годта. Там и задержался Хайнеман до темноты.

Печать и униформа

Клара уже несколько недель обдумывала, как ей снова поднять вопрос об униформе для своих "жандармов". Ещё вместе со своим бывшим шефом ей приходилось смотреть еженедельный киновыпуск "Die Deutsche Wochenschau" ("Немецкое еженедельное обозрение"). Тогда и возникла идея – униформа избавляет от рискованных проверок документов её рябят. У патрулей СС отпадёт потребность проверять на каждом шагу аусвайс у людей в форме, тем более, что половина удостоверений изготовлена из украденных бланков. Попытки довести эту идею до руководства пока не имели успеха.

Ну, что же, если её подчиненные выглядят, как бродяги – тем лучше для придуманной затеи. Действовать без одобрения Петра она не решилась, поэтому поделилась с ним своим авантюрным замыслом: напугать Хайнемана, как только явится с очередной проверкой, под видом проверки документов. Он ведь сам распорядился: "После восьми вечера останавливать всех подряд".

Пётр решил этот план расширить, подполью давно нужен был дубликат печати, хранившейся в портфеле Хайнемана.

Наконец появился удобный шанс совместить две задачи.

Много раз прикидывали, как подобраться к печати. Но при любом раскладе подозрение неизбежно падало бы на Клару. Такой результат неприемлем. Единственный способ – изъять на время незаметно и сделать копию. Взять на время ... Как?! На какое время? Сколько нужно времени гравёру, чтобы снять копию? И главное – как незаметно вытащить, а затем так же незаметно вернуть?

Сегодня, когда Франц доставал из портфеля самогон, край кожаного мешочка с печатью мелькнул в зеве портфеля. Клара давно заметила, что он всегда держит портфель в поле зрения.

месяцем ранее

Гравёр

Гравёр, старый мастер, живший на Хуторах, по просьбе Петра Онуфриевича был приглашен в дом Володи Индюкова. Повод придумали простой: якобы сделать заказ с гравировкой на портсигаре, доставшемся по случаю от партизан.

Расчёт был на то, чтобы угостить старика и под выпивку навести на разговор о его непростом ремесле, попутно выяснить возможности мастера и, самое главное – его "настрое-ния". Старик был виртуозом в своём деле, но как все старики стремился к безопасности.

Поговорить о своих талантах он любил.

Сам Пётр не стал показываться гравёру, сидел за шкафом, перегородившим комнату на две части и внимательно слушал, пытаясь из воспоминаний гравёра о своих необычных заказах, нащупать идею. Старик, польщенный вниманием хозяев, раздухарился, да и выпитое располагало к рассказам.

Так в разговоре всплыла история с противогазом Зелинского-Кумманта созданного ещё в 1915 году на заводе "Треугольник" из каучука. Гравёр посмеиваясь рассказал, как в первую мировую ему удалось спастись из германского плена с помощью поддельного удостоверения репортера газеты. Оказалось, каучук Бызова – бутадиен, который у нас пытались добывать даже из бересклета бородавчатого, произраставшего в России, такой аналог каучука называли "гуттаперча". Мастер был напичкан историческими подробностями.

– Так вот, продолжал старик, – бумагу, удостоверяющую мою личность, я смастерил, использую штамп треугольной формы, вырезанный из обрывков развороченного осколком противогаза. А чернила и бумагу я выменял у канцеляриста,

якобы письмо написать. Понимаете?

Заметив живейший интерес у слушателей, гравёр приступил к подробностям:

– Чтобы добиться приемлемого качества оттиска, приспособил вместо штемпельной подушки несколько лоскутов фланели. А уж изобразить каллиграфический почерк могу любой, – старик отхлебнул из чашки, – немецкий унтер долго рассматривал диковинную печать треугольной формы, но решающую роль, видимо, сыграла моя наглость. Как настоящий репортер, я заявил, что подам петицию в военную канцелярию Кайзера за нарушение международной конвенции прав репортеров, освещающих "театр военных действий". Причём заметьте, на неплохом немецком. Эту вескую фразу я заучил из газеты.

– Так прям и сказал "театр военных действий"? – хохотнул Чумак.

– А, то!

– А немецкий откуда знаете? – уважительно спросил Володя.

– Ну-у, так, я же подмастерьем был в Питере у немца-гра-

вёра. Там, если чего недопонял, вмиг между лопаток получал. В общем, смог объясниться с унтером, благо немецких газетенок в сарае, где нас держали, было полно. Оттуда и "театр военных действий". X-хых.

– Да, дед! Непростой ты мужик, – уважительно покачал головой Степан Чумак.

– А вы, что же, не только по металлу можете гравировать, но и по резине? – восхищенно спросил Володя.

– Да не понял ты, паря. Я же не гравировал этот штамп, так чуть бритвой поправил. Просто немчура не видел никогда ни наших противогазов, ни калош со штампом "Треугольника".

– Да понял я, понял. А всё же, можете из резины выгравировать?

– Я много чего могу, – с достоинством произнёс пожилой мужчина, – вопрос: для чего?

– А для печати, например? Немецкой.

"Тьфу ты! – Пётр даже сморщился от такой прямолинейности Володьки. – Надо же исподволь подвести, спугнут ду-

раки".

Гравёр вмиг стал серьёзным, взял в руки портсигар – предмет заказа, помолчал. Теперь перед ними сидел не старичок-балагур, а уставший седой мастер. Внимательно посмотрел в глаза Чумаку.

Тот глаз не отвёл, вздохнул и проникновенно сказал:

– Спасать надо наших людей, батя. Эти немцы гораздо кровожаднее тех, из первой мировой.

– Кх-м... Ну что же, хлопцы, нужен оттиск, а ещё лучше матрица, – и уже уверенней добавил, – и резина хорошая.

– Вот это уже разговор, – обрадованно выдохнул Чумак. – Давай по порядку: что такое матрица, как делать?

– Оттиск нужно сделать на чистой, хорошей бумаге, да не один, а несколько. Подложить под бумагу сукно помягче, чтобы всё до запятых и точечек, до перышек на крыльях орла отпечаталось. Это эталон, по которому проверять буду копию. Так понятно? Теперь матрица. Можно залить тёплым воском, а потом в холодную воду, но есть риск повредить каучук. Я же не знаю, из чего конкретно печать сделана. Может греть нельзя...

– Да, рисково.

– Тогда, хлопчики, лучше гипс, но хороший, как у зубного врача, без примесей, мелкого помола. И замешать надо правильно, чтобы в каждое углубленьеце проник.

– Попробуем достать. Дальше?

– Я вам отмеряю, значитца, в склянку аптечную норму гипса, а в другую – норму воды, чтобы без ошибки, вам только качественно смешать, чтобы однородная смесь была, без комков и пузырей. Застывает минут за пятнадцать. Заранее не сделать.

– Так, поняли.

– Теперь, значит, как лучше сделать: приготовьте лист плотной бумаги, но мягкой, чтобы хорошо скрутилась в трубку, без заломов. Плотно завернёте печать в трубку из бумаги, без зазоров. Обвязать так, чтобы печать стала доньшком этого бумажного "стакана" изнутри. Установите этот "стакан" вертикально, можно в настоящий стеклянный стакан, чтобы оголовок печати не болтался. И наливайте в этот стакан раствор из гипса. Теперь главное – не колыхать, даже не дышать на него. Минут 15-20, я говорил уже.

– Да, – вздохнул Степан, – управиться бы за 10 минут.

– Нет, надо больше времени. Много не лейте, толщиной на наперсток хватит.

– Сантиметра два?

– Да. Если в помещении не холодно, должно застыть хорошо. Теперь главное – не расколоть матрицу. Бумагу снимете, легонечко постучите пальцами по гипсу, ласково, помяв, отделите гипс от печати. Хорошо бы конечно печать предварительно смазать, да вот беда, отмывать вам её будет сложно, а без отмывки вернуть печать хозяину никак нельзя – заметит. После гипса придётся отмывать её зубной щёткой, чтобы ни грамульки, ни крошечки гипса нигде не прилипло.

Ещё!

Заранее штемпельную подушечку с чернилами приготовьте! Печать-то после отмывки слишком чистой окажется, без чернил. Опять же подозрительно. Смекаете?

"Ай да дед! Смотри, как чётко всё по полочкам разложил. А ведь пил самогон, теперь понятно, почему его считают мастером. Вот только сделают ли хлопцы всё, как надо? Это же нужно сноровку иметь и пальцы, как у гравёра... Надо думать... – Пётр покачал головой, делая пометки о последовательности действий. – Ещё бы придумать, где и когда всё это

провернуть".

– Спасибо, отец! – проникновенно сказал Чумак, – а портсигар возьмите в благодарность, это серебро.

– Ну, вот что, хлопчики, – нахмурился гравёр, – я это не из-за "благодарности" вашей. Понимать надо.

– Вы уж извините нас.

– Если что, знаете, где меня искать. Прощайте.

Ночью Пётр Онуфриевич не мог уснуть, зажѐг свечу, снова просмотрел записи. Какая-то мысль промелькнула, пока писал, сидя за шкафом. Никак не давалась. Какая-то идея... подсказка.

Только утром, снова перечитывая пометки, понял: "Зубной гипс – зубной врач. Вот оно! В кресле стоматолога человек не может следить за портфелем, его затылок прижат к подголовнику, лицо в потолок. Не будет же он, как лошадь, всё время косить глазом. А если обезболить... расслабить... усыпить. Так! В этом что-то есть.

И тут очень кстати пришлось затея Клары припугнуть Хайнемана.

Сначала майору эта затея не понравилась, но выслушав доводы Клары, он вынужден был признать, что введение униформы значительно облегчило бы передвижение по городу наших людей, да ещё и с оружием. Получить для подполья полноценный, а главное – легальный вооруженный отряд, крайне важно. Но риск...

"Расслабить" начальника фельдкомендатуры предложил анестезиолог Иван Лысенко с помощью новокаина фирмы "Хёхст". В немецком госпитале были даже шприцы Фишера (стоматологический инструмент), о чём с тоской сказал Василий Чабановский. Но как достать? Василий Дмитриевич работал в инфекционном отделении городской больницы.

Отправить Клару к немецкому стоматологу – неоправданный риск – ещё одно звено в цепи подозрений. Единственный, кто был знаком в силу профессии с немецкими врачами – Манфред Генрихович.

Подготовка кабинета стоматолога

Сделали так.

Коменданту DULAG 111 подложили в сахарницу кусочек белого мрамора, Вебер любил чай вприкуску. Вот и доприкусывался гад. Крик! Беготня денщика Крохта.

– Уй! О-о-о! Больно то как!

Это же свой собственный зуб, а не черепа узников, которые так легко ломать прикладом.

Срочно вызванный Эсси-Эзинг успокоил страдальца:

– Начальник охраны лагеря очень хвалил стоматолога из городской больницы Чабановского, творит чудеса.

– Ча-ба-нофф-ски? Еврей? – напрягся Вебер.

– Нет, что вы! Белорус. Зовут Василий Дмитриевич, он вам этот зуб восстановит, как новенький, только нет у него обезболивающего, нужно послать вашего адъютанта на склад немецких медикаментов в госпиталь.

Вебер кивнул:

– П-поезжайте к нему, пусть напишет, что надо, и привезите сюда.

– Так ведь и бормашину придётся везти, а она требует установки, настройки.

Вебер зло сплюнул сукровицей:

– Мой водитель всё доставит со склада медикаментов и приедет за мной.

Так у Василия Дмитриевича вполне легально оказался и новокаин, и шприц Фишера, и ещё кое-какие нужные компоненты для пломб и зубных протезов, раз уж оккупанты расщедрились. Со стороны чёрного хода к кабинету Чабановского примыкала комнатка размером с чуланчик. Там и решили разместить старика-гравёра со всеми приготовленными приспособлениями для заливки матрицы.

Пётр Онуфриевич предложил там же устроить фотоаппарат, на случай, если в портфеле Хайнемана окажутся бланки для аусвайсов.

– Посмотрите, что я придумал, – Чумак протянул Кларе небольшую дощечку, размером с тетрадь, с укрепленными на ней деревянными школьными линейками.

– Для чего?

– Смотрите, в институте у нас был опытный преподаватель черчения, ещё из старых. Это – маленький прототип рейсшины: горизонтальная и вертикальная шкала соединяются в нулевой отметке. Если вот сюда в угол положить бланк, сразу четко видно его размеры.

– И?

– Ну, как же! Ведь в портфеле наверняка окажутся бланки различных немецких пропусков и справок. Немцы зациклены на всякой канцелярщине. Пропажа любого бланка из портфеля чревата подозрениями. А так, мы всё четко сфотографируем, и сразу будет понятно – что, какого размера. Это важно гравёру для изготовления клише.

– Ай, молодец, Степан!

– Да, ещё, я решил сразу изготовить штатив, в который закрепим фотоаппарат, чтобы обеспечить чёткую фокусировку и параллельность текста, а то на весу может получиться смазано – руки дрогнут от волнения. Немецкий шрифт сложный, со всякими "довесками" над "Ё".

– Да-да, "умлауты" с точками сверху, – кивнула Клара.

– Во-от, не хватит такой точечки над буковкой и всё на-
смарку.

– Отличная идея, и ещё..., – нахмурилась, раздумывая, –
заранее закрепите или уберите всё, что можно задеть или
уронить. По закону подлости, когда особенно стараешься не
шуметь, обязательно упадет то, что никогда не падало.

– Ага, Микола для такого случая даже предлагает взять
его кота и завязать в корзине. Сможем предъявить его с по-
мощью медсестрички, если наделаем шума ненароком. А так
– достанем кота, Маняша его возьмёт за шкирман и показа-
тельно выбернит перед герром. Фриц и успокоится, если по-
лучится кипеш.

– Вы говорите, как одессит, Степа, смотрите, чтобы кот
сам не создал кипеш, если вырвется на волю.

– А то! Был у нас на курсе одессит Леня, веселый парень...
жив ли.

Подготовкой помещения занимались по ночам. Кушетку передвинули к стене, примыкавшей к чулану. Над кушеткой выпилили маленькое окно и закрыли его навесными полками с задней стенкой, как поворотной дверцей. На полки сложили то, что не звякает: коробки с ватой, куски марли, несколько пустых картонных коробок приклеили на клейстер. В спешке можно задеть или смахнуть при резком повороте. Теперь можно было легко передать портфель в чулан и закрыть это «окно», пока пациент в кресле.

Заднюю стенку полок «окна» обшили старым толстым одеялом – для звукоизоляции. Замки на портфеле имеют свойство щёлкать, а этот звук владельцу портфеля хорошо знаком. Даст Бог – звук заглушит жужжание бормашины. Было решено вытащить печать и передать портфель на место. На случай форс-мажора пусть лежит на кушетке, пока гравёр будет заниматься матрицей. Если что-то пойдёт не так, отсутствие печати не так заметно, как отсутствие портфеля. Между кушеткой и оголовьем кресла стандартно расположили медицинскую ширму.

Клара должна была сидеть и отвлекать "пациента" по другую сторону кресла – подальше от ширмы и портфеля. Эта предосторожность была не лишней.

Предполагалось, что Хайнеман, как все "настоящие" мужчины, не переносит стоматологических манипуляций,

поэтому Пётр посоветовал Кларе для создания идеального алиби взять руку фашиста в ладонь и успокаивающим движением поглаживать, как успокаивают детей. Таким образом, фрау Таблер была защищена от подозрений и, в случае чего, могла быстро отвлечь внимание Франца на себя.

По настоянию майора, подпольщики даже провели несколько "репетиций" с хронометражем. Прикинули, что времени будет достаточно, заодно укрепили боевой дух исполнителей этого дерзкого плана. Всегда легче проделать то, что уже отрепетировано.

Грабители

Осталось детально продумать, как устроить Хайнеману "приглашение" к дантисту. Решили подкорректировать сценарий "нападения" жандармов на ночного нарушителя комендантского часа. Если просто испугать фашиста, можно надеяться, что обойдётся без репрессий. А если слишком повредить при задержании зубы – это уже пахнет расстрелом.

– А если не прикасаться к гаду, а дать ему сбежать, а в темноте подставить подножку – ветку из забора? – предложил Чумак.

– Где гарантия, что спикировав на землю, эта сволочь выбьет зуб?

– Нет гарантии.

– Так. Надо собраться вместе. В Академии Фрунзе один пожилой стратег объяснял нам метод "мозгового штурма" из крупиц, полу-догадок, полу-идей формируется, обрастает деталями замысел, превращаясь в чёткий план операции, – вспомнил майор.

– Тогда так: жандармы должны выступить спасателями Хайнемана от ночных грабителей. Которые, собственно, и должны дать ему в челюсть и сломать зуб, а потом под свист жандармских свистков и выстрелы "шустро скрыться", – предложил Прибер.

– Уже лучше, – кивнул Чумак, – так не придётся подставлять хлопцев под расправу, а то вдруг он с перепугу палить затеется? Кстати, во избежание этого пистолет "грабители" должны прихватить с собой, а потом выбросить "со страху" в процессе игрушечной погони, расстреляв все патроны,

якобы выцеливая жандармов.

– Верно! Пусть его лучше «найдут», хорошенько залапают и вернут пустым.

– Зачем? – удивился Степан.

– Что «зачем»?

– Ну..., залапают зачем?

– Чтобы фашисты не принялись снимать отпечатки, – вздохнул Пётр.

– Кого же назначить "грабителями"?

– Надо самых неприметных. Хватит двоих. Нарядить во что-нибудь вроде старых плащей, чтобы виден был силуэт в длинных шмотках, а в чём конкретно – непонятно. А на построении отряда жандармерии все будут в коротком: кто в пиджаке, кто в рубаше, – рассуждал вслух майор, – не страшно, что в длинном бежать неудобно. Их же никто ловить всерьёз не собирается. Сделают кружок по переулкам, скинут плащи через забор. А сами вернутся в помещение жандармерии и будут ждать вместе со всеми.

– Надо заранее оговорить место, в чей двор скинут пальто, чтобы там подобрали и не подставили жителей дома.

Напугать Хайнемана решили поздно вечером. Проследили и выяснили, что он частенько задерживается после инспекции отряда на складах Тодта. Подстроить поломку личного автомобиля куратора Клары оказалось несложно. Водитель был отпущен до вечера и отправился перекусить в кофейню-кондитерскую для немцев, которую Байбара устроил неподалёку от городской Управы на манер львовской "цукерни".

Вечером кофейня для немцев превращалась в некое подобие ресторанчика с баварским колоритом и пивом из Днепропетровской пивоварни. Официантки были одеты в платья, напоминающие "дирднль" – со шнуровкой на корсаже и пышными рукавами-фонарик, кружевными передниками. Подчиненные Циммермана тайком посмеивались над причудами этого баварского мечтателя. Розы, оранжереи, девушки в гольфах и кружевных фартучках поверх пышных юбок. Пастораль! Но захаживать сюда любили.

Штадт-комиссар Днепропетровска Клостерман восстановил и усовершенствовал городской пивоваренный заводик, выписав из Германии медные чаны, оснащённые специальными приборами. Качество пива обеспечивала точность всего процесса. Пиво доставляли из Днепропетровска по распоряжению Циммермана несколько раз в неделю.

Пока шофёр Хайнемана наслаждался кружечкой пива, юркий Сашка – подросток, работавший подсобником на кухне, тихонько заполз под машину, благо двор ресторанчика был заставлен пивными кегами.

Сашка осмотрелся, убедился, что никто не заметил его маневр и принялся тихонько подпиливать трубку подачи топлива, но не полностью, а частично, сделал несколько кривых подпилов ребром точильного бруска. Обрыв должен выглядеть натурально, без ровных краёв. Плотная резина, армированная толстой нитью, поддавалась с трудом. Официантка Верка должна была предупредить Саню громким визгливым смехом, если бы водитель вдруг вышел из ресторанчика.

До войны Сашка целыми днями пропадал у бати в заводской автомастерской, изучил устройство автомобиля директора завода досконально. Сашку восхищала плавность линий ЗИСа, рокот мотора.

Всё прошло, как надо.

Водитель не спешил, вышел к машине уже на закате, отъехал и заглох в квартале от ресторанчика. Разобраться с поломкой в скудном вечернем освещении было непросто.

На это и был расчёт.

Хайнеман, как обычно, угощался с начальником Павлоградского подразделения Тодта, получившего отличный коньяк от знакомого интенданта. Не обнаружив своего водите-

ля на привычном месте у склада, решил пройтись в лёгких сумерках. Выпитый коньяк придал ему лихость, иначе, чем объяснить себе позже такую беспечность он так и не придумал.

Когда его остановили в темноте две длиннополые тени и заломили руки, сердце ухнуло в желудок. "Прямо в коньяк", – как позже схохмил Иван Носач. Удар под дых сразу лишил его желания сопротивляться, тело безвольно обмякло. Грабители выдернули из кармана "Люгер". Носач подумал: "Вот хрень! Почему эта сволочь не сопротивляется? Как же ему зуб высадить, если он обвис, как лопух?"

– Дойче марки! Шнель! – свистящим шепотом прямо в ухо просипел Иван.

Замах и удар в челюсть "до характерного хруста" – как напутствовал их Пётр.

"Где же brave жандармы? Ага, топот, марширующего на перекрестке патруля. Так, теперь бросить гада и пальнуть в кусты, якобы целясь в патруль. Иначе, как привлечь их внимание к скисшей жертве? Так, заметили нас, вперёд через палисадник, ещё пару выстрелов, хоть бы не задеть по окнам... Через огород. Здесь бросаем плащи. Ходу в жандармерию!" – мысли неслись в голове Ивана под стать его тренированному телу.

Темноту разорвала трель жандармского свистка, и силу-

эты в длинной одежде скрылись.

Жандармы навели луч фонарика на жертву, подняли, бесцеремонно встряхнули, стукнули по ребрам. Лишь услышав на плохом немецком "Аусвайс!", Хайнеман смог разлепить кровавленные дрожащие губы и прохрипеть:

– Schwachkrpfe (нем. Тупицы).

Патруль бережно под руки доставил фашиста в жандармерию. Начальник патруля вызвал Клару по телефону, как и было, запланировано. Поминутно кланяясь, начальник патруля трепетной рукой налил Хайнеману коньяк, конфискованный у перекупщиков на рынке. Опрокинув стопку, немец засипел от боли.

Позже, уже в кабинете Клары, боль от выпитого притупилась, на щеки вернулся румянец. Расстаравшиеся жандармы почтительно вернули найденное в кустах оружие. Клару привёз Чумак на выделенной для жандармерии пролётке. Ей не пришлось играть волнение, нервы и так были на пределе, поэтому обеспокоенность женщины выглядела вполне естественно. Увидев кровь на подбородке и кителе куратора, Клара бросилась к нему с возгласом:

– Герр, Хайнеман! Вы ранены?! Что с вами?

Наткнувшись на его презрительную гримасу, повернулась

к начальнику патруля:

– Докладывайте.

Выслушав, вздохнула, как бы успокаиваясь, помолчала. Затем присела на стул, словно от слабости в ногах, тихо сказала:

– Господи, какое счастье, что патруль оказался рядом.

– Счастье?! – фашист вопил не выбирая выражений, немецкая речь тоже богата оборотами. – Развели бандитов в городе! – теперь, когда страх отступил, можно было не стесняясь, выместить на перепуганных жандармах свой гнев.

Батальон был выстроен в полном составе и стоял навзтяжку перед брызгающим слюной "сверхчеловеком". Иван Носач, так же как и все, тянулся смирно, но костяшки кулака грело воспоминание от соприкосновения с холеной мордой.

Все извинения Клары и уверения, что это досадное недоразумение, вызванное излишним рвением выполнить приказ самого герра Хайнемана о проверке документов у всех, кто появлялся на улице позже восьми вечера, пролетели мимо.

– Моим жандармам в голову не могло прийти, что офицер такого ранга может передвигаться без машины, по тёмным

переулкам.

Нацист шипел, как кобра, натываясь языком на обломок зуба.

Наконец, исчерпав все аргументы, Клара повернулась к Чумаку и спросила:

– Машину герра Хайнемана нашли? Что с водителем?

– Так точно! – браво прищелкнул набойками Степан. – Сломался в переулке, уже впрягли лошадь и буксируют в гараж Управы. Механика вызвали посыльным.

Клара перевела. Сполна сбросив напряжение от пережитого стресса, куратор сменил гнев на милость. Выглядеть дураком, распекающим жандармов за исполнение собственного приказа не хотелось, даже перед этими олухами. Тем более глупо было идти пешком. Раздраженно махнув рукой, Хайнеман выпроводил жандармов.

Клара продолжала его увещевать тихим усталым голосом:

– Не наказывайте их, прошу вас, Франц, ведь говорила я вам об униформе. Если бы они не выглядели такими оборванцами, недоразумения бы не произошло. Я же в форме, – добавила она последний довод.

– М-да, – нехотя буркнул, – обмундирование бы им не помешало.

– И для местного отребья жандармы бы выглядели более внушительно, – поспешно добавила она, – быдло нужно держать в страхе и приучать к новому порядку.

– Я подумаю, что можно сделать, – высокомерно процедил нацист.

Клара решила ковать железо, пока горячо:

– Моим патрульным не хватает винтовок. Сегодня они подставили свои головы под пули бандитов, защищая вас. Да и местных это припугнёт. Вдруг патрулю удастся задержать партизан?

– Вы что-то знаете о партизанах? – впился взглядом в лицо Клары.

"Ну вот, кто меня за язык тянул", – подумала с досадой.

– Нет, но вдруг мои ребята нападут на след? Жандармы у меня бравые. Сами видели.

– Жду вас утром с отчетом! В 11:00, – сухо простился

Хайнеман и вышел во двор, где его ждал автомобиль Управы.

"Неужели почувствовал иронию, мозгляк. Надо осторожнее, но в целом, дело вроде выгорело – Клара устало прикрыла глаза. – Почти рассвело. Надо поспать".

Операция «Печать»

В 11:00 Хайнеман ждал Клару в кабинете фон Экке.

"Теперь самое сложное, организовать визит к дантисту. Вдруг он захочет обратиться к врачу в Кривом Роге?" – папку с отчетом положила на стол перед куратором. Отчитавшись по проведенному розыску "грабителей", попросила Франца припомнить какие-нибудь приметы нападавших:

– Мне будет сложно разыскать бандитов без примет, предлагаю объявить награду свидетелям.

– Ну, уж нет, не хватало, чтобы в городе узнали. Как мне теперь вернуться с таким лицом, – злобно зыркнул Хайне-

ман.

Экке сидел в кресле у окна, бесцеремонно разглядывая женщину, сесть не предлагал.

– Фрау Таблер, что вы сделали с милым Францем? – оскандился гестаповец, осуждающе покачав головой.

Хайнеман сморщился от этой остроты, как от укуса, представил насмешки за спиной от своих сослуживцев по Кривому Рогу. Лицо у него выглядело слегка перекошенным из-за отека и разбитой губы.

Но всё складывалось, как по заказу. Оказывается, накануне комендант лагеря расхваливал Экке протезиста Чабановского, который собрал новый зуб любителю сахара из ничего. Кларе даже не пришлось ничего предлагать.

Пока она обдумывала, как лучше построить фразу о дантисте, чтобы не задеть ушибленное самолюбие арийца, в беседу вступил гестаповец:

– Франц, дружище, наш приятель Вебер остался весьма доволен услугами местного уельца-стоматолога из областной больницы. Кто бы мог подумать, что в этой дыре есть неплохие врачи. Как там его? – фон Экке прищелкнул пальцами, пытаясь вспомнить фамилию врача, снял трубку телефона, – Пауль, Хайль! Ты недавно говорил о дантисте... да-

да... спроси у Крохта ... Как? ... Данке!

Курт фон Экке положил трубку на рычаг и произнёс по слогам:

– Ча-ба-новский.

– О, любопытно, – оживился Хайнеман, – он еврей?

– Вебер говорил, что белорус. Зовут Василий Дмитриевич – это не еврейские имена, возможно потомок поляков, – Экке неплохо говорил по-русски и разбирался в именах славян, – хотя и в Польше и в Белоруссии всегда было полно евреев.

– Впрочем, неважно, – махнул рукой Хайнеман, – мне бы не хотелось возвращать в Кривой Рог с таким лицом, начнутся ненужные вопросы.

Клара в душе изумлялась: "Так не бывает, мне даже ничего не пришлось предлагать, Бог милостив", – она решила воспользоваться удачным поворотом в разговоре, пока куратор не передумал:

– Тогда, с вашего позволения, герр Хайнеман, я узнаю, что ему нужно из инструментов и материалов и всё организую.

Хайнеман откинулся на спинку высокого стула и покровительственно взмахнул, отпуская начальницу жандармерии:

– Хорошо, после обеда я жду вас, Клара.

Всё складывалось настолько удачно, что даже пугало: "Только бы Экке не увязался с ним".

Уже вечером, когда Хайнеман в сопровождении жандармов оправился на ночлег в дом штурмбанфюрера, на прощание сказал Кларе:

– Вы удивительная женщина, настоящая немка. Спасибо, что держали меня за руку, врач отлично справился. Я распоряджусь насчёт униформы.

Клара благодарно улыбнулась. "Да уж, врач действительно справился прекрасно, как и остальные участники. Теперь у нас будет печать и легальный отряд".

Глава 20

ноябрь 1942

Отряд Клары

Теперь, получив разрешение на униформу, Кларе стало проще легализовать у себя в отряде спасенных из лагеря. Новеньких предупредили о необходимости скрывать свои взгляды и намерения, пока жандармерию не очистили от "старожилов". Среди них действительно были изменники и уголовники. Принимать в отряд и распределять патрули Клара поручила Чумаку, только Степан знал об истинном участии Клары. Для остальных она была ничего не подозревающей, фашистской служакой. Как и велел Пётр Онуфриевич.

Из-за того, что фрау Таблер назначила Чумака своим за-

местителем, ей приходилось часто вызывать Степана к себе в кабинет, среди подчиненных пошёл слухок, что "фрау к Чумаку неровно дышит". Лейтенант и правда был хорош собой, привычка высоко держать голову и чётко отвечать на вопросы выгодно отличала его от многих "вояк", всю жизнь проживших в селе.

Подпольщики решили, что это неплохое прикрытие для совещаний с заместителем батальона от излишне любопытствующих. Поэтому Степан не препятствовал шуткам на эту тему, самодовольно посмеивался, иногда ронял с высокомерной ленцой:

– А ты не завидуй.

После неприятного случая, когда на Клару набросилась с проклятиями жена расстрелянного жандарма, Чумак вызвался сопровождать Клару тёмными вечерами. По дороге было удобно обсудить важные вопросы.

Иногда Степан отвозил Клару в пролётке, иногда шёл на расстоянии, незаметно подстраховывая женщину, в тени деревьев.

декабрь 1942

Стервятники Днепропетровска

В Днепропетровске Зальцнер решил обосноваться всерьез и надолго с истинно немецким комфортом, показать убогим славянам настоящую цивилизацию. После войны Украина станет прибыльной колонией, но климат и плодородная земля ещё не всё. В восточной части ещё при царе развивалась промышленность. Восстановленная ещё летом пивоварня уже радовала отменным пивом.

Скоро сюда потянутся сталелитейные магнаты, нужно подготовиться к Рождественскому приему по высшему разряду, ведь обильные застолья – лучшая арена для деловых знакомств и сделок. Ох, как важно не ударить лицом в грязь. Безопасность и достойное угощение – вот залог доброго расположения металлургических дельцов. Конечно, настоящую ветчину и мюнхенские колбаски лучше заранее заказать в рейхе.

Пышнотелый мужчина с брюшком и румяным властным лицом чувствовал себя уверенно среди офицеров, фон Метцгер был уроженцем Екатеринослава, ныне Днепропетровска. Семья Вилли бежала в Германию после революции,

к счастью, бросить пришлось не так много. Теперь Вилли решил взять, как он считал, своё. Многие заводы в Екатеринославе были основаны немецкими инженерами: Гантке и Шодуар. Металлургический завод Петровского – тоже немецкое детище.

Клостерман – штадт-комиссар Днепропетровска, в числе многих, претендовал на свою долю в городе, как и представители знаменитой Крупповской сталелитейной корпорации.

"Металлургише Форшунгсгезельшафт" – мошенническая банковская операция по выпуску векселей, проведенная главой Рейхсбанка Шахтом для скрытого перевооружения Германии и создания военной машины третьего рейха, предоставившая гитлеровцам 12 миллиардов рейхсмарок и не отражавшихся в официальных отчетах Рейхсбанка. Теперь Шахт присматривался к восточным землям, оккупированных рейхом.

«Химический концерн Биттерфельда» уже подсчитывал грядущие прибыли.

Циммерман понимал, что удержаться на посту Гебитско-миссара Павлограда среди этой стаи стервятников не получится без поддержки Зальцнера. В глазах этих воротил его цветочный бизнес – ерунда. Что для них его баварские розы? Амариллисы – его гордость, георгины на этой плодородной земле, хризантемы, гладиолусы – это же гимн Германии! А рабов здесь достаточно, местные жители с детства приучены

работать на земле, у каждого домика цветочный палисадник. Но такого великолепия цветочных оттенков местные туземцы не видели никогда. С детства Генриха Циммермана восхищала власть над цветами: они цвели, подвластные его воле, ровными рядами, лучше, чем солдатский строй, чище, совершенней.

Генрих считал Гитлера таким же "садовником", несущим порядок и совершенство в хаотичный мир. Как важно завоевать расположение Зальцнера, как добиться, чтобы генерал перестал считать цветы ерундой? Но ему куда интереснее игры с подпольщиками, многоходовые комбинации с подставками и разоблачениями.

Накануне визита в Днепропетровск Циммерман мучительно пытался уснуть:

"Как всё надоело! Как же хочется вернуться в милую Баварию! Эти проклятые варвары не ценят культуру и не стремятся к цивилизованному порядку. В Днепропетровске опять взорвали цистерны с горючим, прямо на станции. Деятели из СД задержали меня поисками подпольщиков, это их обязанность, а не моя. Каждый должен заниматься своим делом!"

декабрь 1942

Пожар на артскладах

Двое суток полыхала окраина Павлограда, осколки рвущихся снарядов разносило по окрестностям, ужасая жителей. Кто-то радовался, кто-то молился, ожидая смерти от осколков и новые расправы.

Перевернув весь город, фашисты решили, что для авторитета оккупационных властей, невыгодно признавать взрывы артиллерийских складов диверсией. Решили списать на детонацию. По крайней мере, объявили об этом населению притихшего города через местную газетку.

Это была месть за погибших подпольщиков Днепропетровска. Информация о боях под Сталинградом была скудной, в виде слухов. Несмотря на многократные заявления фашистов о победах на Волге, город держался. Возможно, содержимое артскладов и было предназначено для отправки на Волгу или под Ростов. Теперь было уже не важно – это, в любом случае, помощь нашим.

К декабрю идея восстания окрепла, и сформировался общий план. Пётр Онуфриевич анализировал информацию и понимал где и как лучше ударить. Но, одно дело создать

штаб из кадровых военных, другое – люди мирных профессий, из которых и состояло абсолютное большинство подпольщиков. Опыт майора, конечно, был бесценен, но кроме него профессиональным разведчиком был только Константин Рябой, его и решили назначить командиром штаба восстания.

"Павлоградська газета" опубликовала версию о детонации. Гестапо рассчитывало, что притаившиеся подпольщики усилят активность и угодят в ловушки. Специально командированные из Днепропетровска агенты и следователи СД и гестапо прибыли на помощь. После ликвидации областного подполья, приехали показать коллегам Павлограда, как нужно работать. Тотальные аресты себя не оправдали, решили опираться на местные кадры. Особый интерес командированных вызвала фрау Таблер.

Тайхмюллер – гауптштурмфюрер СД уже слышал от Хайнемана о "настоящей немецкой фрау". Берлинская газета "Русское слово" даже писала восторженную статью о патриотизме Клары.

Решили привлечь к активному сотрудничеству Байбару, чьё внимание не должно вызвать у фрау беспокойство. Байбара уже доказал свою преданность рейху, когда сдал гестапо всех бендеровцев, мечтавших об "Украине без немцев", припомнил им всем свои обиды, даже самые мелкие. Теперь все они трудились на просторах Великой Германии – кто в

лагере, а кто на фабриках. А сколько девушек готовы его "отблагодарить", только бы вычеркнул из списков на отправку.

Молодежь свозили из всех окрестных сёл и хуторов. Байбара приказал загонять в эшелоны под музыку оркестра Управы, но плач и надрывные крики не мог заглушить даже браваурный марш.

Начальник Биржи труда решил облагодетельствовать дочь своего соседа Андрея Павловича, оставшуюся в одиночестве. Пока Караванченко, предупрежденный товарищами о возможном аресте прятался у надежных людей в Пятихатках – якобы ушёл на "менку", полицаи арестовали его жену Надежду.

Дочь Караванченко не испугалась. Получив от девочки отпор, сытый "ухажер" тут же внёс её в списки на отправку в Германию.

Прибер пришёл к Андрею в Пятихатки пешком, отмахав почти двадцать километров.

В разговорах с немцами Клара часто убеждалась в некоторой шаблонности, касательно оценки своей судьбы в исто-

рии Тысячелетнего рейха. Сказывался результат работы министерства пропаганды и пылких речей "доктора" Геббельса. Простому среднестатистическому немцу действительно трудно осознать: какая сверх сила переносит с места на место огромную массу немецких солдат.

Ещё до своего отъезда Лёхлер любил поразглагольствовать:

– Вот недавно мы были во Франции, в Польше, в Голландии, а сегодня мы уже вон насколько продвинулись от границ Советского государства! Гений великого фюрера раздвинул для меня, крошечной песчинки немецкого народа, границы стран, целых империй. Да что там! Континентов! Экспедиции в Африку, Южную Америку.

Нас немцев, после разгрома в Первую мировую, никто всерьез не принимал, нам даже вооружение производить было запрещено. Нам – высшей расе – указывали, как жить!

Неудивительно, как легко люди верят, что их страна самая-самая. Возможность путешествовать и сравнивать, доступна немногим. Клара думала: "А разве мало было в нашей стране приверженцев бредовых идей о мировой революции, стремящихся навязать свое понимание "свободы" другим странам. Отличие лишь в отсутствии геноцида по расовому признаку. Но геноцид сословный глупо отрицать. Хотя, нет, а что значит отсутствие геноцида по расовому признаку."

ку? То, что немецких колонистов вывозят эшелонами, разве не геноцид? Чем это лучше еврейских гетто, устроенных фашистами?

Любая сверх-идея, возвеличивающая нацию или идеологию – это бред.

Кларе вспомнился один из офицеров в Чернигове, где она преподавала. Он говорил: "Америка смогла построить своё государство именно благодаря терпимости к расам и сословиям". А Клара спорила с ним, что на чернокожее население их терпимости не хватило. Подумалось: "Надо же, какие вопросы тогда казались важными..."

Начальник фельдкомендатуры Кривого Рога Хайнеман объяснил Кларе, что теперь её батальон должен обеспечивать беспрепятственное передвижение сотрудников "Крейсландвирт", работающих в Синельниково и оказывать им содействие. Так она узнала, что "Крейсландвирт", – специальное подразделение немецких оккупационных властей, собирающее в поработанных странах всё, что могло пригодиться рейху.

Селекционная опытная станция в Синельниково ещё до войны успешно создавала новые сорта кукурузы, свёклы, пшеницы. Кукуруза, выведенная Борисом Павловичем Со-

коловым из местных сортов, не уступала американским аналогам. К сожалению, его работы по селекции прервала война, пришлось эвакуироваться с коллегами в Саратов. Всё, что не успели вывезти, хранилось в лаборатории селекционной станции на попечении оставшихся сотрудников. Галина Ткаченко многое спрятала у себя в доме, сотрудница Бориса Павловича была уверена – после Победы пригодится.

декабрь 1942

СЫН

После переезда в центр города Кларе предложили устроить сына в школу для детей городской администрации, бывшую гимназию. Гебитскомиссар, таким образом, решил поощрять людей, полезных рейху.

Как только Пётр Онуфриевич прислал к ней девушку присматривать за малышами, пришлось согласиться.

Посоветовавшись с ним, когда у неё представилась возможность навестить свекровь, Клара утомленно опустила

на стул. Ноги дрожали. И дома нельзя быть собой, нельзя показать детям свои подлинные чувства и мысли. Снова при- творяться...

Благодаря Петру, в доме появилась Таисия Зимина.

Таисия видела, что Витя переживает, плачет иногда, когда считает, что никто не видит, девушка понимала, что творится в душе мальчишки, ведь рассказать о маме ей строго запретили. Но и держать его в полном неведении тоже опасно. Жгучий стыд за мать – взрывоопасная смесь. "Где найти полуправду, что открыть?"

Дети наблюдательнее и смысленнее, чем принято считать у взрослых. А в условиях войны, тем более. Клара отлично себя помнила в возрасте сына – семь лет, вспоминала и сравнивала: "Я замечала и понимала гораздо больше, чем считали в семье. Уже умела делать выводы, но зато и умела их скрывать. А Виктор такой порывистый, опять подрался с мальчишками. Дети жестоки.

Девчонкам всё же проще, подружки если и дразнили меня, то рук никогда не распускали. Трёхлетняя Ниночка пока ещё несмышлёныш. Пятилетняя Лена пожаловалась вчера: "Девчонки увидят меня и противными голосами приговаривают: "Теперь твоя Кларочка – немецкая овчарочка" Ну, ясно, наслушались от взрослых, дети чётко улавливают, всё, что слышат дома, даже если увлечены игрой. Как мне найти для них нужные слова..." – женщина устало опустила голову

на спинку дивана, прикрыла глаза.

Богатое воображение маленькой Клары всегда было поводом для подтрунивания близких: "Опять наша Клархен витает в облаках", – вздыхала мать.

Вот и сейчас Клара прикрыла глаза и отчетливо "услышала" звонкий мальчишеский голос сына: "Моя мама – не подстилка! Моя мама – подпольщица!.." и представила стылую тишину, ползущую по школьному коридору от детей к изумленным учителям. Детям сложно всё время помнить об осторожности. Да, это уже не те довоенные дети, маленькие лица тоже впитали горе и страх, научились прятать взгляд. Но не все. Порывистый Виктор – копия отца, сначала крикнет, потом подумает. От свекрови Клара знала, что сын хранит буденовку, привезенную Виктором с Финской войны. О том, что папа вернётся, детям не говорила – это подразумевалось, как нечто само собой разумеющееся. Пыталась объяснить мальчику, что письма не могут доставить через линию фронта, утешала, как могла. Но предположить, что сын захочет тайком принести буденовку в школу...

Хорошо, что Таисия открыла портфель положить яблоко.

Конечно, это был протест, детский неумелый протест против мрачной, страшной жизни, против подначек одноклассников. После долгих уговоров сошлись на том, что звезду с буденовки придётся отпороть. Не хватало получить пулю от пьяного полиция, не разбирающего ребенок перед ним или взрослый. А реакция учителей...

Но эта мера не помогла – след от звезды остался в виде более тёмной пентаграммы, на фоне старого выцветшего войлока. Те, кого даже такой намёк на звезду приводил в бешенство, не могли не заметить след. Это не школьные шалости с разбитым окном.

Утром решили с Тасей в школу сына не вести, Клара очень надеялась, что сможет вернуться вечером до того, как дети уснут и поговорить с ним серьёзно.

– Виктор, помнишь, мы читали с тобой книгу "Судьба ба-рабанщика", я принесла её из разоренной фашистами библиотеки?

– Да, помню, – взгляд исподлобья.

– Помнишь, как главный герой Серёжа смог обмануть врагов? Притвориться, чтобы усыпить их подозрительность?

– Ну, помню.

– Ты ведь представлял себя на его месте, думал: вот бы мне так. Думал?

– Угу.

– Так вот, сейчас ты – на его месте. В почти такой же си-

туации много других людей притворяется, чтобы обмануть врага.

– И ты?

– Да.

– Ну, да-а.. , – недоверчиво протянул мальчик.

– Это будет наша тайна. Девочкам я не могу ничего сказать, но ты уже большой и я решила, что тебе можно доверять, ведь у тебя уже смелость и выдержка взрослого человека. Я могу на тебя положиться?

Виктор задумался: "Не зря же его назвали в честь отца, а отец бьется с фашистами".

Клара помолчала, давая ему возможность осмыслить услышанное.

– Но тайна – есть тайна. Даже Тася и бабушка не должна догадаться. Договорились?

– Да.

Таисия всё же заметила перемену: Витя перестал смотреть на мать исподлобья, когда она надевала форму, и отворачи-

ваться, когда Клара его обнимала, придя со службы.

Спецвыпуск издания СС лежал на столе.

"Счастливая молодежь"

На титульном листе – фото подростка в форме Гитлерюгенда, тощая кадыкастая шея торчит из воротника. Мысленно Клара назвала его "индюшонок", прыщавая шея подростка, испуганно-восторженные глаза. Сколько несчастных матерей уже оплакивают таких, а сколько пока ещё гордятся, или ... делают вид, что гордятся.

Виктор всего на несколько лет младше этого обманутого пропагандой пацана. В который раз подумала: "Хорошо, что сын не родился раньше, с его характером точно примкнул бы к комсомольцам, расклеивающим листовки по ночам. И так, характер вспыльчивый, а ему приходится терпеть издёвки сверстников".

Клара понимала, дети скучают по бабушке. Александра Давыдовна с бесконечным терпением отвечала на все их вопросы. Но пойти к ней, отнести продукты, в этот раз пришлось без детей.

Нужен был совет Петра, ведь после переезда в центр города путь к нему заказан, увидеться можно было, лишь наведавшись к свекрови. Приходилось соответственно одеваться: старое потертое пальто на два размера больше, толстый деревенский платок, повязанный наглухо. Выйти через черный ход для прислуги и, ссутулившись мелкой семенящей

походкой, выбирая самые безлюдные улицы.

декабрь 1942

Хлебные склады

Склады, расположенные за станцией, немцы решили приспособить для нужд "немхоза" (немецкого аналога колхозов), организованного для сбора и отправки зерна в Германию. "Гебитс-ландвирт" – ведомство рейха, отвечавшего за аграрные интересы рейха, грабило неполноценных славян подчистую.

Этого нельзя было допустить. Ещё не хватало! Кормить фашистов своим зерном! Предстояло придумать, как уничтожить запасы. Старинные здания складов долгое время не использовались. Это раньше Российская империя поставляла зерно за границу. Предвоенные голодные годы оставили склады пустыми.

Биржа прислала рабочих чинить крыши, стоило присмотреться к ним. Многие завербовались в "немхоз" от полной безысходности, нечем было кормить семью. Немецкие гру-

зовики свозили зерно со всей области, собирали последнее. Выхлопные газы клубились в морозном воздухе. Всё это означало голод для населения. Грузчики со скрытой ненавистью посматривали на сытую немецкую охрану, полевые жандармы не чувствовали никакой угрозы, ведь население запугано расправами в лесу и безропотно отдает последнее.

Холод усиливался и, непривычные к такой погоде, охранники всё чаще прятались в тепло караулки – тощие немецкие шинельки не согревали.

Полицай Сидоров присмотрелся к грузчику, узнал бывшего окруженца из лагеря. Тот поднял голову – почувствовал взгляд, полицай отвернулся, сделал вид, что смотрит в сторону. Это был тот самый бывший конюх, что по заданию подполья пошёл служить в полицию.

Склады загорелись ночью.

Караванченко вернулся домой на рассвете.

Глава 21

декабрь 1942

Новый год

В честь Нового года немцы устроили праздник в городской Управе.

Речи о победах немецкого оружия с каждым тостом звучали всё громче. Клара улыбалась, скрывая тоску, поднимала бокал и думала: "Они, словно, уговаривают друг друга поверить, что всё у них хорошо. Окружение армии Паулюса держалось в секрете. Об этом запрещено было говорить на празднике, но все, конечно, знали. В речах старались делать упор на другие сводки: наступление на Дону, бои на Кавказе. Упование на новое "чудо-оружие" ...

Клара представила, как было бы здорово сообщить в листовках о провале фашистов на Волге. Такая новость к

празднику – лучший подарок среди голода и страха.

январь 1943

Расстрел Сташкова

После отъезда разочарованного Коха отношение к Сташкову резко ухудшилось. Его держали в одиночной камере, изматывающие вопросы длились бесконечно. Ничего не добившись, фашисты потеряли к нему интерес, а возможно, готовили новые жертвы для очных ставок. Все попытки устроить Николаю побег не принесли результатов. Ему перестали делать перевязки, боль в лёгких душила в камере, всё чаще он кашлял кровью.

Ещё осенью, до своего ареста, Константин Рябой пытался устроить перевод арестованного в инфекционный барак лагеря DULAG 111, но кто-то выдал тюремных надзирателей гестаповцам.

Незадолго до расстрела Сташков оставил на стене камеры

стихи, нацарапанные гвоздём:

Каждый день, Победу ожидая,
Нельзя бездействовать, молчать, уснуть,
И разум наш и ненависть святая
Подскажут вам борьбы надёжный путь.
В тылу врага громите беспощадно
Дома, вокзалы, рельсы, поезда.
Запрячьте хлеб, сжигайте склады,
Взрывайте танки – и тогда
Покончим с Гитлером кровавым.
Ударим с тыла, ударим в лоб.
Мы с двух сторон скелет его раздавим!
Мы с двух сторон врагу готовим гроб!

Словно предсказание грядущему восстанию в феврале 1943 года.

Ниже он написал предупреждение о провокаторах, посаженных немцами в камеры, вместе с заключёнными.

Николай Иванович Сташков был расстрелян 26 января 1943 года (у глубокого рва на краю Еврейского кладбища)

Через три недели в Павлограде вспыхнуло восстание.

Глава 22

Провокаторы в лагере

Использование наших пленных, как рабочей силы не решало для фашистов проблему нехватки пополнений на фронте. Из националистов, уголовников и людей, затаивших обиду на сталинский режим, стали создавать воинские формирования. Дивизия "Галичина" активно зазывала в свои ряды предателей и отчаявшихся военнопленных.

Сотрудники ревира при осмотре вновь прибывших наметанным глазом, заметили, что некоторые пленные выглядят вполне благополучно. Серьёзных ранений нет, под грязными гимнастерками тёплое бельё, обувь чуть получше.

Своими наблюдениями поделились с Манфредом Генриховичем. Он тоже заметил, что некоторые пленные легко перемещаются из барака в барак, а охрана, словно, и не замечает.

Решили понаблюдать, подключив тех узников, которым можно было доверять. Вскоре выяснилось: это "подсад-

ные" – агенты-provokatory. Они, как-бы невзначай, намекали, что за оградой есть надежные люди, помогут бежать. Или наоборот – уверяли, что с немцами можно найти общий язык, что есть сформированные из наших граждан целые дивизии, да что там дивизии: Армия Власова, что сам сын Сталина Степан скоро возглавит ещё одну армию и набирает добровольцев.

– А меня избили, – признался Салих Гулямов обер-арцту. – Пришлось притвориться, что я не понимаю по-русски. Они не просто так вербуют. Ещё и собираются создавать формирования по национальному признаку. Внушают, что Россия – захватчик и угнетатель народов Азии. Я хлопал глазами и молчал. В конце концов, обозвали тупым чучмеком и выкинули из подвала.

– Хорошо, что удалось вытащить Ивана Матвеевича. Его уже несколько раз склоняли к вербовке. Лысенко уверил их, что язвенник. Грозил повесить.

В полном информационном вакууме люди не знали чему верить. А "подсадные" рассказывали о жестоких репрессиях, постигших их родных, о несправедливости, о зверствах особистов. Всё это было знакомо многим из личного опыта. На это и был расчёт, что люди вспомнят горе и несправедливость, захотят отомстить за страдания. Не учли, что

не для всех Родина и государство с опричниками Ежова одно и то же. Но многие пленные, особенно те, кто натерпелся в других лагерях, прежде, чем попасть в транзитный, попадались на эти посулы, соглашались поступить в "Batalion Schutzmannschaft" – шуцманшафт батальоны.

Украинская Народная Самооборона в середине 1942 года достигла 180 тысяч человек.

Измученные, отчаявшиеся в этом беспросветном существовании люди были благодатным "материалом" для вербовки. Хоть какая-то надежда на изменения к лучшему, избавление от ежедневного ужаса смерти просто оттого, что у надзирателя похмелье, вызывало у заключенных серьёзные сомнения: "А может послать всё, и вступить в этот шуцманшафт батальон. Оглядеться, набраться сил, а потом сбежать. Оттуда сбежать, пожалуй, легче будет, чем из-за колючки". Многим память услужливо рисовала голод 30-х, бесчинства продотрядов.

Пленные из-под Тамбова тихо рассказывали, как мужиков из их деревни травил газами Тухачевский. Говоривший об этом крестьянин видел в лицах собратьев по бараку недоверие: "Как же это? Своих травить газами? Это ж не германцы в первую мировую..."

Многие не верили:

– А ты сам-то, как выжил?

– Так я к шурина в город подался, на заработки. Вернулся, а там... , – мужик махнул рукой и заплакал.

– Враньё! Провокатор! – слышалось от прохода.

– А ну молчать! – рывкнул блок-фюрер, – тупые ваши бошки. Кто из вас слышал про село возле местного артополигона?

– Это который за железкой?

– Да. В 30-е какой-то "умник" распорядился провести испытание на "кулацком отродье". Взрослые ушли с утра в поле, слышали: грохочет за посадкой че-то. Ну, подумали: гроза находит...

– И шо это?

– Шо-шо. Пожгли снарядами село с детьми и стариками. Бабы многие с ума спятили, когда вернулись вечером, а вместо села – головешки. Всех в эшелон и – в тайгу... Испытатель этот говорят, повесился, кто его знает...

– Товарищи! Это бред! Такого быть не может! – возмущенно нарушил молчание молодой голос.

– Эх, дитинко, молодой ты ще, – прохрипел и закашлялся пожилой солдат.

Много несправедливости пришлось пережить жителям нашей страны. Где эти узники находили силы для сопротивления? Что их удерживало от соблазнов и рассказней вербовщиков?

Ведь совсем немногие "повелись" на эти обещания. Да и то, потом горько жалели. Нацисты стремились, как можно быстрее, "повязать кровью" – бросить новообращенных в карательные акции ЗОНДЕРБЕХАНДЛУНГ ("особое обращение"): уничтожение евреев, истребление целых деревень, поддерживающих партизан, показательные казни подпольщиков и расправы над их семьями. Море крови и грязи. Чтобы не было возврата назад. Сколько из тех, кому удалось уцелеть в зондер-командах, всю оставшуюся жизнь прожили в чужих краях.

октябрь 1942

Лысенко

Эсси-Эзинг получил известность даже среди врачей вермахта из немецкого госпиталя после пьяной похвальбы Вебера. Во время очередной попойки в немецком казино для офицеров, открытого в бывшем доме культуры, комендант лагеря заявил, что его oberarzt смог по характерным признакам определить начальную стадию туберкулеза у земляка Вебера, заевшего к нему выпить по-приятельски.

В один из промозглых осенних дней из вагона с пленными выгрузили ротного с медицинскими петлицами. Так Эсси-Эзинг познакомился с Иваном Лысенко. Как и Василий Дмитриевич Чабановский, Иван был военным врачом из части, разгромленной в боях близ Харькова.

"Хорошие люди притягиваются", – говорил Манфреду профессор Екатеринославского мединститута ещё во времена его студенчества. Так "притянулись" ещё несколько санитаров. Среди них Малиенко и Ковальчук.

Несколько особо ретивых блок-фюреров пришлось изолировать в инфекционный барак, после того, как стало известно об их намерении выдать нашего командира из новой партии пленных. Офицеров фашисты расстреливали, невзирая на острую нехватку рабочей силы.

Манфред на воле

Медицинская помощь, оказанная Хайнеману, принесла неожиданный эффект. Начальник Фельдкомендатуры Кривого Рога остался доволен врачебной помощью стоматолога Чабановского и обер-арцта настолько, что распорядился выдать Эсси-Эзингу документы фольксдойче.

Вебера это, как раз, не очень обрадовало, гораздо удобнее было иметь хорошего врача на подконтрольной территории, но пришлось подчиниться приказу Гебитскомиссара, правда, с некоторой уступкой, как считал комендант: Эсси-Эзинг оставался врачом-консультантом ревира, но мог проживать за пределами лагеря DULAG 111.

Слухи о том, что именно Манфред Генрихович уверен-

но диагностировал туберкулёз у немецкого военного чиновника, достигли гарнизонных врачей ещё летом. Его и потом привлекали для выездных консультаций. Туберкулез не выбирает расу.

После возобновления работы рентген кабинета в городской поликлинике пожилой фтизиатр вскоре уехал. Оказалось, что кроме Эсси-Эзинга, в городе нет рентгенологов, а каждый раз "выдергивать" его из лагеря и везти в центр города было хлопотно. Вот и было решено "проявить доверие" и направить обер-арцта на постоянное место работы в городской рентген кабинет.

Это была настоящая удача: справка о наличии туберкулеза любого освобождала от вывоза в Германию. Нацисты боялись распространения заразы в фатерлянде. Теперь Манфред мог совершенно официально выдать такое мед-заключение подпольщику. А, кроме того, под видом пациента в кабинет мог свободно приходить связной.

В архивах больницы хранились сотни снимков многолетней давности – больных туберкулёзом, язвой желудка, искривлением позвоночника, – и каждый снимок был использован сотни раз: для спасения молодежи от угона на каторгу в Германию. Тысячи молодых павлоградцев, освобожденные как «непригодные к труду», присоединялись к подполью.

Вначале врачи городской больницы холодно встретили коллегу. Недоверие к фольксдойче было ожидаемо. Хирургическим отделением руководил опытный хирург, бывший

полковой врач Серых Федор Данилович. После обороны Киева он оказался в окружении, смог выбраться к родственникам в Павлоград и с их помощью устроиться в городскую больницу. Большинство опытных врачей было мобилизовано, работать в больнице стало некому.

Манфред Генрихович очень был привязан к своим товарищам по лагерному ревиру и отчаянно хотел их вытащить к себе. Но как!

Однако, если всё время обдумывать какую-то проблему, способ её решения поможет найти случайное событие. Так произошло с врачом Лысенко. Однажды, уже в темноте, в городскую больницу ввалилась группа не вполне трезвых немецких офицеров.

Эсси-Эзинг, разглядев среди них раненого штурмбанфюрера, попытался втолковать им, что немецкий госпиталь находится в других корпусах. Но выяснилось, что обратиться туда офицеры не решаются – рана получена в пьяной стычке от своих, а это – неминуемое служебное расследование и, как следствие, отправка на фронт. Поэтому помощь нужно оказать тайно, чтобы замять историю. Для извлечения пули нужна была операция. Манфред Генрихович понял – это повод привлечь Ивана Матвеевича, как анестезиолога, о чём он и поспешил сообщить офицерам.

Нельзя было упускать такой шанс! Опасаясь разбирательств, друзья раненого проявили расторопность и шустро

доставили Ивана Лысенко из лагеря, щедро расплатившись с Вебером.

После удачно проведенной операции было решено не возвращаться в ревир, а поселить Лысенко в пригороде, используя заготовленные для беглецов документы. Домик Ивана Матвеевича до самого освобождения города служил приютом и перевалочным пунктом для вывезенных заключенных.

То ли этот случай помог растопить лёд взаимного недоверия, то ли сведения из инфекционной больницы о самоотверженности обер-арцта в деле спасения заболевших пленных, помогли врачу наладить с коллегами доверительные отношения. Манфред по-прежнему навещал больных в лагере. Это было непросто даже психологически, каждый раз лязганье задвижек за спиной било по нервам, будило сомнения – сможет ли он выйти вечером отсюда или по приказу Вебера останется здесь.

Вакцина действует

Манфред Генрихович поддерживал и утешал свою вер-

ную помощницу Наденьку, продолжал искать способ вывезти и её. Надя вздыхала и ... отказывалась, не решаясь оставить больных узников, несмотря на то, что без постоянной поддержки обер-арцта и Лысенко, её положение в лагере стало угрожающим. Мульде по приказу коменданта участили проверки, стал придираться к любой мелочи. Ей казалось, она предаст несчастных заключенных, если воспользуется помощью Манфреда Генриховича. Но все понимали, что её гибель – бессмысленная жертва.

В конце концов, когда придирки и угрозы стали нестерпимы, Надю вывезли в "тифозной тележке" среди "умерших".

В маленькой заброшенной кладбищенской часовне в честь иконы Божией Матери «Нечаянная радость», давно разоренной и безлюдной, подпольщики организовали место встречи для спасённых.

Символично. Люди, спасенные из фашистского ада, получали шанс на новую жизнь. Разве это не радость?

Там, в назначенное время, ждала их с одеждой и документами Мария Грайворонская. Надя прожила у Марии до весны 1943 года, а потом ушла к линии фронта, приближавшуюся к городу.

Обосновавшись в рентген кабинете, Манфред Генрихович получил возможность тайно возобновить лабораторные опыты с туберкулезной вакциной, над которой работал ещё в

Ялте. Цель опытов состояла в том, чтобы добиться безопасной дозы, позволяющей человека ввести в каталепсию, то есть, отключить мышечную реакцию и лишить тело подвижности на какое-то время. В DULAG 111 для подобных опытов не было никаких условий.

После такой инъекции врачи гарнизона, инспектировавшие инфекционную больницу и лагерь, не сомневались в смерти узников, что позволяло беспрепятственно вывозить "умерших" на местное кладбище, где их ждали подпольщики. Возчиком трудился местный старик – дед Павло.

Тысячи бойцов сражались в партизанских соединениях и многие числились в скрупулезном «делопроизводстве» фашистских концлагерей мертвыми. Документы о смерти были оформлены со всей тщательностью, и под каждым подпись главного врача лагеря: доктор Эссен (в документах ревира Эсси-Эзинг слегка её изменил). "Доктор Осень" называли его подпольщики, видимо, по созвучию слов.

В лагере инъекции начал вводить Манфред Генрихович, позже, когда отработал методику, он подключил Салиха Гулямова и Василия Ковальчука. В инфекционной больнице с этой задачей успешно справлялись Мария Иванова и доктор Чабановский. Вскоре в круг посвященных вошла и врач Перунова Анна Степановна, педиатр из Богдановки близ Павлограда.

В инфекционное отделение городской больницы риско-

ванно было направлять только тех, кто подлежал спасению через кладбище. Прежде, чем устроить заключенному побег, важно было определить, надёжен ли человек – способен сохранить в тайне своё "исчезновение" из больницы. В жутких лагерных условия люди постоянно болели – многие прибывали в транзитный лагерь уже больными.

Кроме того, из опасения, что услышат посторонние, сложно было предупредить заранее предназначенного к вывозу. Таких пациентов Анна Перунова направляла на рентген, и уже там, от Эсси-Эзинга он получал пояснение, как всё будет происходить. Удивительно, что Манфреда так никто и не выдал, риск для этого мужественного человека был просто запредельным.

С наступлением холодов неожиданно проявилась непредвиденная, опасная проблема: в ледяном бараке у фиктивных покойников на теле появлялся тонкий налёт инея – кожа продолжала дышать. Это грозило выдать узников, получивших "укол смерти" – так прозвали инъекцию подпольщики. У санитаров из ревира появилась дополнительная забота – обходить назначенных в "покойники" и смахивать с лица и рук иней, сами они не могли шевелиться.

Начало зимы удивило небывалыми снегопадами. Отряды жандармерии едва успевали организовывать расчистку дорог, сгоняли пленных. Истощенные, замерзшие люди с трудом управлялись с сугробами. Степан Чумак с подпольщи-

ками присматривались к ним, запоминали тех, кто не опускал смиренно глаза, а смотрит с ненавистью на конвой из лагеря. Именно эти люди получали вместе с дневной пайкой записки и ножи, спрятанные в тряпье.

Именно Клара поручила унтерменшам отряда жандармерии доставить на участок расчистки дороги замотанную в тряпье бадью с похлёбкой. На вопрос конвоя к чему такая щедрость, Чумак оскалился и подмигнул:

– Чтобы эти сонные мухи очухались, а то ведь до ночи не управимся. А мне по шапке дадут, если не дай Бог какой важный чин в снегу застрянет. Их же опели не приспособлены для такого снега.

– Да уж, – хмуро пробурчал конвоир и поглубже засунул нос в шарф. – В такой колее не то, что опели, грузовики вязнут.

– Подходи по одному! – кричал Иван Носач и шёпотом добавлял, наклонившись зачерпнуть похлёбку, – спрячь, потом прочтёшь.

Замотанные в тряпье заточки и записки с указаниями, где спрятана одежда и документы исчезали в обносках тех, кто, по мнению подпольщиков, стоил доверия и мог пригодиться в отрядах.

В результате пленные лагеря в Богуславе и на бывшем заводе Магазинера в начале февраля уничтожили охрану и устроили массовый побег.

В записках были инструкции: куда двигаться после того, как найдут одежду и переоденутся, разделившись на группы.

Канонада со стороны Лозовой дарила людям надежду.

Удивительно, что в городской инфекционной больнице практически все медсестры были вовлечены в подпольную деятельность, но, тем не менее, утечки информации тоже не произошло. Многие из них по очереди встречали вывезенных на кладбище у старой часовни или за домиком сторожа и уводили в убежище.

В этой больнице смог легально трудиться доктор Кац, ему с помощью подпольщиков удалось выправить документы на имя Нурбекова Умара и, тем самым, замаскировать характерную внешность от бдительных нацистов. Всё же Кац старался не покидать территорию больницы и не появлялся в городе.

Ещё до войны больница занимала большой участок в несколько кварталов. На закрытой территории было множество зданий и маленьких флигелей. В одном из таких, примыкающих к инфекционному корпусу флигельков и жила с незапамятных времен медсестра Анастасия Дегтярёва, вместе с детьми и старенькой мамой. У этих добрых женщин и

нашёл приют доктор Кац.

Ещё одного медика удалось спасти их лагеря – Ивина Александра Ивановича, врача полевого военного госпиталя. В условиях постоянной нехватки врачей его приняли в инфекционное отделение. Кроме своих прямых обязанностей в больнице, городские врачи были обязаны работать в комиссии по отбору вывозимых в Германию.

Гарнизонные немецкие врачи переложили эту обязанность на местных, поскольку брезговали возиться с "неполноценным быдлом". Это было только на руку, позволяло диагностировать у многих болезни, освобождающие от трудового рабства в рейхе: астма, язва желудка, туберкулез, эпилепсия, кожные аллергии.

Григорий Яковлевич Чернявский вошёл в комиссию под видом окулиста, вместе с Александром Ивановичем они прекрасно понимали свою роль в отбраковке остарбайтеров.

Кабинет рентгенолога Манфреда Генриховича, как и в большинстве больниц, был устроен в полуподвальном помещении – так проще затемнить для печатания и чтения снимков. Для лучшей вентиляции испарений фотореактивов комната имела второй выход на веранду. Было удобно незаметно приходиться под видом санитаров или пациентов.

Постоянно рискуя, врачи выявляли среди внесённых в списки жителей города и окрестных сёл самые тяжёлые диа-

гнозы. Из нескольких сотен обследованных, пригодных трудиться на благо рейха набралось чуть более сотни. Гебитско-миссар негодовал – эта благодатная земля пригодна только для цветоводства, люди, живущие здесь, зря портят кислород. Байбара на собственной шкуре испытал, что значит обвинение в саботаже.

Продолжил начатое пожар в здании Биржи труда. Подпольщики подожгли кабинет, в котором хранилась картотека всех, поставленных на учёт, умело симитировав короткое замыкание ветхой проводки.

Прибер накануне специально пришёл с инспекцией состояния электропроводки и предупредил Байбару, что возможны проблемы – нужно срочно заменить изношенные и многократно "скрученные" провода, но тот лишь отмахнулся.

– Не до ремонта сейчас! Видишь сколько работы!

Это давало возможность, с одной стороны – точно узнать, в какой из комнат находится картотека, а с другой – с лёгкостью переложить всю вину на Байбару, этого жирного хапугу.

Прибер так и указал в акте проверки: "Проводка требует замены, возможно замыкание". Это позволяло отвести подозрения от других работников Биржи, сотрудничавших с подпольем и сообщавших сроки отправки остарбайтеров. Эти сведения давали возможность подготовить листовки, преду-

преждающие о новой волне облав и призывающие скрывать-
ся от вывоза в рабство. Многие прятались у родни в селах
под предлогом: ушли менять вещи на продукты.

Дорожная жандармерия не препятствовала таким пере-
мещениям. К концу 1942 года в батальоне уже было более
3/4 людей, направленных подпольем.

(продолжение следует)

2020-2023